

**Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН
Институт истории Сибирского отделения РАН**

В. А. Исупов

**ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ У НАРОДОВ СИБИРИ
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)**

Сыктывкар–Новосибирск 2012

УДК 314.148 (571) "311"

Исупов В.А. Историко-демографические процессы у народов Сибири (первая половина XX века). Сыктывкар; Новосибирск, 2012. 56 с.

В работе рассмотрено демографическое развитие Сибири с начала XX в. до 1950-х гг. Проанализирована источниковая база. Выявлены особенности демографического перехода.

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

Научный редактор

доктор исторических наук И.Л. Жеребцов

Рецензенты

доктор исторических наук Е.Ф. Кринко

доктор исторических наук В.И. Меньковский

© В.А. Исупов, 2012

© Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, 2012

© Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук, 2012

ВВЕДЕНИЕ

Главным вектором демографического развития Сибири в XX столетии стало сначала медленное, но все ускоряющееся вовлечение населения региона в общемировой процесс демографического перехода. Он знаменовал собой трансформацию общества от аграрной стадии развития к индустриальной. Как следствие этого в Сибири произошли коренная модификация воспроизводства населения, переход от его традиционного типа к современному. Первые неявные проявления процесса демографического перехода в виде медленного сокращения смертности и плавного снижения рождаемости, а также очень слабые ростки современного типа воспроизводства населения обнаруживаются в начале XX в. в отдельных, самых крупных сибирских городах. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. этот процесс в южных, наиболее освоенных и развитых в экономическом отношении районах Сибири, вытянутых длинной полосой вдоль Транссибирской железной дороги, был близок к завершению.

Отметим также, что пестрота национального состава Сибири обусловила и своего рода «национальную лоскутность» демографического перехода. Находясь на разных стадиях социокультурного развития, народы Сибири неодновременно вступали в процесс демографического перехода и неодновременно завершали его. Первыми в это движение втянулись проживающие на территории региона русские, украинцы, белорусы, евреи, немцы, поляки. Вместе с тем некоторые сибирские народности до сих пор переживают этот сложный процесс, а у многих из них он далек от завершения.

1. ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

Переписи населения

Основным источником информации о населении являются материалы переписей. Они содержат детальные сведения о численности населения и его распределении по территории страны, городским и сельским населенным пунктам, о составе населения по национальности и языку, полу и возрасту, брачному состоянию, социальному положению, грамотности и образованию.

В первой половине XX столетия в СССР было проведено несколько переписей населения, однако их источниковая ценность неоднозначна. Первая после прихода к власти коммунистов демографическая перепись была организована 28 августа 1920 г., когда в стране еще не закончилась Гражданская война. Поэтому перепись не охватила всего населения страны – примерно 30% ее жителей оказались вне границ статистического учета [1]. В Сибири, в частности, не было переписано население Забайкалья, северных территорий Иркутской губернии, Туруханского и Нарымского округов.

Следующая перепись, проведенная 15 марта 1923 г., была городской. Она не затронула сельское население, составлявшее в то время подавляющее большинство жителей как СССР в целом, так и Сибири. Поэтому обе эти переписи имеют важное, но все же ограниченное значение.

Только 17 декабря 1926 г. в Советском Союзе была организована первая всеобщая перепись населения. Она была тщательно подготовлена на строго научной основе и характеризовалась высокой степенью точности. Недочет населения, допущенный переписью 1926 г., составил статистически незначительную величину и, по современным оценкам, не превысил 1% [2]. В принципе, данными этой переписи можно пользоваться без корректировки.

Однако перепись 1926 г. в связи с бурными социальными событиями в Советском Союзе очень быстро устарела. К 1930 г. кардинально изменились численность и демографический состав как городского, так и сельского населения, принципиальные сдвиги претерпела социальная структура населения. В этой связи было решено организовать еще одну всесоюзную перепись, но сроки ее проведения в силу многочисленных субъективных и объективных причин неоднократно переносились. В конце концов, перепись состоялась 6 января 1937 г. Она отразила все основные противоречия пертурбационного демографического развития страны в начале 1930-х гг. В частности, перепись вскрыла снижение численности населения отдельных регионов СССР вследствие голода 1932–1933 гг. Кроме того, она выявила резкие и грубые искажения половозрастной структуры населения: снижение удельного веса

мужчин как результат сверхсмертности мужской части населения, провал в численности детей 1932–1933 года рождения.

Данные, полученные в ходе переписи 1937 г., полностью разошлись со сделанными ранее оптимистическими оценками. Работники Госплана СССР, следуя указаниям Сталина о ежегодном трехмиллионном приросте численности населения Советского Союза, предполагали, что население страны к началу 1937 г. достигнет 180,7 млн. чел., тогда как перепись зафиксировала всего 162 млн. [3]. Низкие темпы роста населения СССР в 1930-е гг., сокращение численности населения отдельных регионов страны полностью противоречили теоретическим представлениям того времени. Считалось, что при социализме население на основе высокой рождаемости, постоянно снижающейся смертности и четко организованных плановых миграций может только увеличиваться. Поэтому 26 сентября 1937 г. постановлением СНК СССР «О дефектности Всесоюзной переписи населения 1937 г.» организация переписи была признана неудовлетворительной [4]. Злополучная перепись была объявлена врагами народа преднамеренно фальсифицированной. Сегодня историки широко используют материалы переписи населения 1937 г., считая их вполне достоверными, хотя и требующими некоторой коррекции.

По прошествии двух лет, 17 января 1939 г. была проведена еще одна Всесоюзная перепись населения СССР. Она была призвана дать «истинные цифры» взамен искаженных «врагами народа» данных переписи 1937 г. В начале – середине 1990-х гг. в исторической и демографической литературе разгорелась бурная дискуссия на предмет преднамеренной фальсификации численности населения СССР в сторону завышения и соответствующего искажения его структуры в ходе переписи 1939 г. Действительная численность населения Советского Союза составляла не 170,5 млн. чел. (как показала перепись 1939 г.), а, по мнению М.С. Тольца, – 168,1 млн., В.В. Цаплина – 168,8 млн., Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковской – 168,9 млн. чел. [5]. Как видим, поправки, сделанные независимо разными авторами по различным методикам, колеблются в пределах от 1 до 1,5%. В сущности, это статистически незначительная величина. К тому же нет такой переписи, которая учла бы население абсолютно точно. Итог дискуссии о степени фальсифицированности и возможности научного использования переписи 1939 г. подвела В.Б. Жиромская: «Хотя фальсификация общего итога численности населения СССР имела место в переписи, она незначительна по своей величине. Материалами переписи можно пользоваться, но при условии коррекции» [6].

Первая послевоенная перепись населения СССР была проведена почти полтора десятилетия спустя после окончания Великой Отечественной войны, 15 января 1959 г., что затрудняло определение демографических последствий войны. Вместе с тем перепись 1959 г. характеризуется особой тща-

тельной проработкой программы и весьма высокой степенью точности полученных цифровых данных. Поправка, которую применяют сегодня демографы при использовании переписи 1959 г., минимальна – 0,1% [7]. Эта перепись важна еще и тем, что предоставляет возможность подвести итог целому историческому периоду демографической истории страны, так как он в основном совпал с завершением бурных процессов модернизации России.

Исследование этнокультурных взаимодействий народов предъявляет особые требования к анализу этнической структуры населения. В этом смысле значение переписей невозможно переоценить. Все они содержат разносторонний материал о национальном составе населения как страны в целом, так и Сибири. Не менее важны содержащиеся в материалах переписей сведения о языковой структуре населения. Только на базе переписей можно получить данные о межэтнических контактах на основе информации о распространенности русского языка, численности людей, для которых русский язык является родным.

Работа с материалами переписей содержит целый ряд особенностей, среди которых основные заключаются в том, что данные о национальном и языковом составе населения, получаемые в ходе разных переписей, несопоставимы. В частности, неодинаковым в разное время был сам подход к понятию «национальность». Первые советские переписи (1920, 1923, 1926 гг.) определяли национальность по так называемому «генетическому» признаку. При таком подходе решающим фактором атрибута национальности выступает этническая принадлежность родителей, связь «по крови». Все последующие переписи, начиная с переписи 1937 г., определяли национальную принадлежность по принципу самоопределения, при котором опрашиваемый самостоятельно и свободно решает вопрос о своей национальности. Национальность родителей в данном случае теряет значение.

При переходе на принцип свободного определения национальной принадлежности, особенно значительные изменения произошли с самым многочисленным народом Сибири – русскими. Само понятие «русский» становилось расплывчатым. В Сибири многие представители украинцев, белорусов, немцев, евреев, поляков и др. (в особенности те из них, кто воспринимал русский язык как родной или же подвергался в той или иной степени дискриминации) «записывались» русскими. В итоге численность русских быстро увеличивалась, причем не только за счет естественного прироста или ассимиляции русскими других народов, но и за счет самопричисления к русским представителей различных этнических групп. Как справедливо указывал американский демограф М. Берштам, русских в действительности было меньше, чем это фиксируют переписи [8].

Увеличению численности и удельного веса русских в населении в незначительной степени способствовал еще и своего рода артефакт, а именно особен-

ности организации переписей. В частности, перепись 1926 г. имела целью определить этнографический состав населения. Соответственно в личном листке переписи был сформулирован вопрос о народности. В переписи 1939 г. и во всех последующих переписях населения Советского Союза стоял вопрос о национальности. В результате число народностей по перечню 1926 г. намного (почти на 100 названий) превышало число национальностей по перечню 1939 г. Поэтому часть людей, которые не нашли название своей народности в перечне, записывали русскими.

Важным источником для решения задач историко-демографического исследования Сибири являются локальные переписи и материалы учетов населения. Поскольку Всесоюзные переписи были дорогостоящим статистическим мероприятием и проводились относительно редко, то локальные обследования населения являются важными промежуточными реперными точками в межпереписные периоды. В частности, в январе 1931 г. по постановлению Западно-Сибирского крайисполкома была проведена локальная перепись городского населения Кузбасса, содержащая ценные сведения о численности, составе и миграциях населения региона [9]. В марте–апреле 1931 г. в Советском Союзе Госпланом СССР совместно с Центросоюзом была проведена перерегистрация горожан в связи с выдачей так называемых заборных книжек (аналог карточек). Использование материалов перерегистрации дает возможность проследить динамику роста численности городского населения Сибири в 1926–1931 гг., а также изменения их половозрастной и социальной структуры. Материалы перерегистрации были широко опубликованы [10]. Однако при их использовании необходимо учитывать, что они содержат лишь округленные и приблизительные данные о численности и составе городского населения. В ряде городов Сибири перерегистрация была проведена с грубыми нарушениями установленных сроков и правил учета. В ряде населенных пунктов перерегистрация так и не была организована.

После завершения Великой Отечественной войны в СССР не проводилась всесоюзная перепись, а вместо нее было организовано два связанных между собой учета населения. Перед ними стояла задача подвести некоторые демографические итоги войны. Распоряжением СНК СССР от 31 декабря 1945 г. ЦСУ Госплана СССР получило разрешение использовать списки избирателей для получения данных о численности и половозрастном составе взрослого (старше 18 лет) населения страны и ее отдельных регионов [11]. Выборы в Верховный Совет СССР проводились в феврале 1946 г., а в Верховный Совет РСФСР – феврале 1947 г. Таким образом, статистики имели возможность работать с двумя списками избирателей, сопоставляя их, что несколько повысило точность проведенного учета. Вместе с тем работникам ЦСУ был запрещен доступ к спискам избирателей по воинским частям

и соединениям. Кроме того, в избирательные списки не попали лишённые прав заключённые, ссыльные и высланные. Однако сегодня, имея данные о послевоенной численности военнослужащих, о количестве заключённых и депортированных, можно приблизительно определить хотя бы общую численность взрослого населения СССР после завершения Великой Отечественной войны.

Чтобы выявить численность и состав населения до 18 лет, ЦСУ в конце 1947 г. организовало дополнительно учет детей и молодежи, который проводился без опроса населения домоуправлениями, комендантами домов и домовладельцами, которые предоставляли городским или районным инспекторам ЦСУ соответствующие отчеты. Дополнительные сведения о сельском населении были получены на основе похозяйственных книг, которые вели сельсоветы в течение всей войны. Безусловно, послевоенные учеты населения не могли заменить перепись населения, тем не менее они позволили получить ценную информацию о численности и составе населения Советского Союза, его отдельных регионов, в том числе и Сибири, на момент завершения войны.

Учет естественного движения населения

Переписи населения – это важный, но далеко не единственный источник по демографической истории Сибири. Чтобы охарактеризовать воспроизводственные процессы населения и ассимиляционную динамику (что важно в плане исследования этнокультурных взаимодействий народов) в частности, необходимо использовать документы о естественном движении населения. Они имеют первостепенное значение для анализа процессов рождаемости, смертности, брачности и разводимости.

До Октябрьской революции функции регистрации рождений, браков, разводов и смертей были возложены на церковь. Священники фиксировали не демографические события как таковые, а обряды крещения, отпевания, венчания. Русская Православная Церковь, согласно распоряжению Петра I, ведет такие записи с 1722 г. [12]. Демографические события фиксировались и священнослужителями других конфессий. Таким образом, к началу XX в. Центральный статистический комитет (ЦСК) Российской империи имел если не полные, то все же приемлемые для анализа цифровые данные о рождаемости, смертности и брачности.

С приходом к власти большевиков функции регистрации были изъяты из ведения церкви и переданы государственным органам. В городах создавалась специальная сеть учреждений, предназначенных для регистрации демографических событий – загсов (запись актов гражданского состояния). В сельской местности их обязанности возлагались на местные советы. Загсы и сельские советы должны были передавать полученные сведения в регио-

нальные статистические управления, откуда они в суммарном виде (сведенные по губерниям, краям, областям, автономным и союзным республикам) поступали в центральные статистические органы страны. С июля 1918 г. это было Центральное статистическое управление на правах наркомата (ЦСУ), с июля 1923 г. – ЦСУ при СНК СССР, с марта 1926 г. – ЦСУ СССР на правах наркомата, с января 1930 г. – Сектор народно-хозяйственного учета Госплана СССР (на правах самостоятельного управления), с декабря 1931 г. – Центральное управление народнохозяйственного учета (ЦУНХУ) при Госплане СССР, с марта 1941 г. – ЦСУ Госплана СССР, с августа 1948 г. ЦСУ при Совете Министров СССР. Таким образом получались сводные по стране данные.

Гражданская война, разруха и связанные с ними хаос и распад государственных институтов сделали регистрацию демографических событий практически невозможной. Старая система учета, основанная на фиксации религиозных обрядов, была полностью разрушена, новая же не работала. Один из ведущих работников сибирской статистики начала 1920-х гг. Д. Мерхалев с известной долей сарказма писал: «Сейчас имеется больше данных о «рождаемости» у отдельных видов домашних животных, чем о рождаемости населения» [13]. Эти мысли находят подтверждение и у другого сибирского статистика М. Красильникова, который подчеркивал: «Слабо обстоит дело и с учетом естественного движения. Учреждения регистрации актов гражданского состояния не достаточно еще наладились в Сибири» [14].

Стабилизация социально-политической и экономической обстановки в период нэпа позволила несколько улучшить ситуацию в сфере демографической статистики. К 1923 г. в наиболее заселенных районах Сибири была в общих чертах завершена работа по формированию системы загов. Полной, без погрешностей регистрации демографических событий добиться не удалось. Но все же тенденция к улучшению учета наметилась настолько отчетливо, что появилась возможность выпустить в свет несколько статистических справочников, специально посвященных динамике естественного движения населения как страны в целом, так и ее отдельных регионов [15].

В начале 1930-х гг. далеко не совершенная, но все же работающая система учета естественного движения населения вновь распалась. Демографическая сфера СССР в годы сталинского «большого скачка» развивалась крайне нестабильно. Вопреки оптимистическим прогнозам и схоластическим рассуждениям о преимуществах так называемого «социалистического закона народонаселения», рождаемость в стране сокращалась, а смертность увеличивалась, темпы роста численности населения падали, половозрастная структура населения подверглась мощному искажающему воздействию внешних по отношению к демографической подсистеме факторов. Сталинское правительство, не заинтересованное в открытом обсуждении кризис-

ных явлений в демографической сфере, приняло меры с целью сокрытия статистической информации.

В январе 1930 г. ЦСУ, существовавшее на правах наркомата, ликвидировали. В течение примерно двух лет, до декабря 1931 г. (когда было создано ЦУНХУ при Госплане СССР) сбором статистической информации занимался Сектор народнохозяйственного учета Госплана, который в силу своей организационной маломощности не был в состоянии справиться с возложенными на него задачами. Хаос в учете усугублялся резко усилившимися миграциями – миллионы крестьян, спасаясь от ужасов коллективизации и голода, бесконтрольно перемещались из деревни в город, из одного района страны в другой. В итоге произошел сбой в фиксации демографических событий. По современным оценкам, недоучет размеров естественного движения населения составлял огромную величину: по родившимся – 41,5, а по умершим – 93,5% [16]. Далеким от истины был и учет численности населения. Численность населения СССР на начало 1933 г. была определена в 165,7 млн., а Сибири – в 12,5 млн. чел., что было очевидным преувеличением [17]. Количество населения даже крупных городов было величиной неизвестной или в лучшем случае прикидочной. Демографическая статистика страны в начале 1930-х гг. пережила настоящую катастрофу.

Только после окончания голода 1932–1933 гг. в СССР были приняты меры по ужесточению контроля за ходом регистрации демографических событий. В 1934 г. загсы были переданы в ведение НКВД. Однако эффект от такой передачи оказался сомнительным. НКВД действовал собственными ему методами нажима, запугивания и поиска врагов, виновных во всех срывах. Только этим можно объяснить появление 21 сентября 1935 г. постановления ЦК ВКП(б) «О постановке учета естественного движения населения» [18], которое содержало нелепые обвинения в адрес работников статистических учреждений и загсов. Они были объявлены классовыми врагами – бывшими священниками, кулаками и белогвардейцами, которые с вредительскими целями якобы скрывали рост населения СССР путем преднамеренного недоучета родившихся и завышения смертности. На самом деле главным недостатком работы загсов и статистиков того времени было не завышение, а напротив, значительное занижение показателей смертности. Причем довольно часто это делалось по прямому распоряжению партийных и советских руководителей, стремившихся скрыть масштабы смертности от голода. В этом смысле очень интересным является обнаруженная нами докладная записка заместителя председателя Запсибкрайплана Эдельмана, направленная секретарю Западносибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе и председателю Западносибирского крайисполкома Ф.П. Грядинскому. В записке содержится подробный отчет о способах и приемах преднамеренного занижения смертности в регионе в самый пик голода 1932–1933 гг. [19].

Сегодня есть все основания утверждать, что реставрировать полную картину динамики численности и естественного движения населения СССР и его отдельных регионов в первой половине 1930-х гг. невозможно: исследователям доступны лишь приблизительные оценки, в той или иной степени приближающиеся к истинному положению. Однако абсолютно точные цифры не имеют принципиального значения. Важнее определить общий тренд демографического развития Сибири в прошлом.

В сторону улучшения фиксации демографических событий изменилась только во второй половине 1930-х гг., после преодоления некоторых очевидных последствий голода. Объективно советское государство испытывало острую потребность в информации о движении населения, без чего невозможно было планирование трудовых ресурсов и упорядоченное использование рабочей силы. В июле 1936 г. постановлением ЦИК и СНК СССР «О порядке учета рождений и смертей» было решено ввести административную ответственность за уклонение от регистрации [20]. Кроме того, согласно инструкции постоянной Комиссии по вопросам культы при ВЦИК РСФСР от 16 октября 1932 г. захоронение умершего допускалось «лишь после того, как факт смерти будет зарегистрирован в органе записей актов гражданского состояния» [21]. В ноябре 1938 г. увидело свет постановление ЦИК и СНК СССР, согласно которому лица, виновные в систематическом нарушении сроков предоставления органам народно-хозяйственного учета отчетных материалов, привлекались к уголовной ответственности [22].

Но, несмотря на «закручивание гаек» и даже введение уголовной ответственности, добиться полной регистрации демографических событий так и не удалось. На значительной части территории СССР, особенно в отдаленных районах Сибири, загсов не было вовсе. Ряд загсов и сельсоветов не смогли организовать сбор сведений о родившихся, умерших, браках и разводах. Даже там, где они функционировали, люди по тем или иным причинам не регистрировали родившихся и умерших. Неполнота учета была особенно характерна для сельской местности. Начальник ЦУНХУ И.В. Саутин 31 марта 1940 г. докладывал председателю Госплана СССР Н.А. Вознесенскому: «Вследствие неполного охвата ЗАГСов (так в источнике – *В.И.*), а так же вследствие того, что население не все случаи рождений и смертей регистрирует в загсах, приводимые... цифры не являются вполне точными» [23]. По существующим ныне оценкам, в 1940 г. в Советском Союзе не были зафиксированы рождение 900 тыс. младенцев и смерть почти 700 тыс. чел. [24].

В годы Великой Отечественной войны надежность информации о движении населения тыловых районов СССР заметно повысилась. Это обуславливалось действием двух групп факторов. С одной стороны, государство, преследуя мобилизационные и фискальные цели, усилило контроль за деятельностью загсов, сельсоветов и статистических органов. С другой – населе-

ние, в первую очередь, в городах стремилось к своевременной регистрации родившихся, так как от этого зависели получение продуктовых карточек, выдача беременным женщинам и матерям, имеющим грудных младенцев, дополнительного питания, а также уплотнение жилья с целью расселения эвакуированных. Повысилась и полнота регистрации браков, так как семьи красноармейцев и командиров получали льготы и небольшие пособия. Поэтому многие мужчины перед уходом на фронт стремились оформить отношения с женщинами, с которыми до этого находились в незарегистрированных брачных отношениях. Только этим можно объяснить факт неожиданно резкого увеличения брачности населения СССР (и Сибири) в июне 1941 г.

Несколько иначе обстояло дело с регистрацией умерших. В сельской местности не регистрировалось большое количество умерших младенцев. В городах семьи стремились получать продукты по карточкам умершего родственника. Точность регистрации умерших достигалась исключительно административными методами. Но, в целом, в 1941–1945 гг. работа государственных органов, ответственных за фиксацию демографических событий, улучшилась. Достаточно сказать, что в 1941 г. в Сибири прослойка населения, не охваченного статистическим наблюдением, достигала 9%. В 1943 г. она понизилась до 6,5%, а в 1945 г. составляла статистически незначительную величину – 0,2% [25].

Послевоенный период характеризуется дальнейшим совершенствованием системы регистрации естественного движения населения. В эти годы советским правительством были приняты меры по упорядочению фиксации демографических событий, улучшению условий работы сотрудников загсов и статистических органов. В частности, 7 июня 1957 г. постановлением Совета Министров РСФСР общее руководство загсами было изъято из ведения МВД и возложено на Министерство юстиции РСФСР [26]. Таким образом, в России был восстановлен гражданский учет демографических событий.

Чтобы определить степень полноты регистрации родившихся и умерших, ЦСУ СССР начиная с 1948 г. систематически стало проводить проверки работы загсов и сельсоветов. Проверки показали, что на протяжении всех 1950-х гг. погрешности в учете снижались. Следовательно, точность и достоверность регистрации рождений, смертей, браков и разводов в 1950-е гг. можно оценить достаточно высоко.

Тем не менее качественная сторона фиксации демографических событий не всегда отвечала потребностям общества. С большими погрешностями регистрировались пол и возраст умерших, возраст матерей, женихов и невест. Статистика причин смерти до середины 1950-х гг. велась только в городских поселениях, не касаясь сельской местности. Недостаточно полно фиксировались демографические события в национальном разрезе. Такого рода сведения разрабатывались крайне нерегулярно и даже спорадически.

В частности, национальность родившихся, умерших, а также женихов и невест, в СССР фиксировалась только в 1924–1926 и 1928 гг., в конце 1930-х гг., а ежегодно – начиная с 1958 г. Причем регистрация проводилась по ограниченному списку национальностей. В итоге мы не имеем информации об ассимиляционных процессах в Сибири за большинство лет советского периода.

2. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ В 1920-е ГОДЫ

В период революции и гражданской войны население Сибири пережило первую в XX столетии мощную демографическую катастрофу. Ее истоки следует искать в том демографическом кризисе, который разразился еще в годы Первой мировой войны. Основным вектором демографической истории России в 1914–1918 гг. было резкое снижение показателей рождаемости, что было обусловлено призывом мужчин бракоспособного возраста в армию и соответствующим распадом брачно-семейных отношений. По имеющимся данным, в течение войны в российскую армию было призвано свыше 14 млн. мужчин [27]. В Сибири (в границах Енисейской, Забайкальской, Иркутской, Тобольской, Томской и Якутской губерний по административному делению 1917 г.), по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., было мобилизовано почти 900 тыс. чел. [28]. В Алтайской губернии к 1917 г. в армии находились 54% мужчин трудоспособного возраста, в Енисейской – 39, Забайкальской – 55, Иркутской – 50, Тобольской губернии – почти 52% [29]. Многие потенциальные браки в годы войны из-за появившегося «дефицита женихов» были невольно отложены, часть невест так никогда и не вышла замуж, а овдовение замужних женщин в связи с гибелью их мужей приняло массовые масштабы. По расчетам известного русского демографа С.А. Новосельского, стоявшего у истоков российской и советской демографии, дефицит браков только в 1914–1915 гг. составил 1,7 млн. [30]. В 1915 г. в селениях средней части Сибири рождаемость составляла 82% от уровня трех предыдущих мирных лет. В 1916 г. она упала до 67%, а в 1917 г. достигла своего минимума за весь период Первой мировой войны – 65% от довоенных показателей [31].

Вместе с тем отметим, что смертность тылового населения в годы Первой мировой войны не увеличилась. В провинции Российской империи не было зарегистрировано массовых эпидемий инфекционных заболеваний, а уровень материального обеспечения, по крайней мере, в 1914–1916 гг. не опускался до такой степени, чтобы вызвать резкое увеличение смертности. В Западной Сибири, в частности, общий коэффициент смертности в военные годы даже сократился. В Томской губернии (без Алтая), согласно материалам духовной консистории, смертность в 1917 г. составляла 26‰, в сельской местности (по данным сельскохозяйственной переписи) равнялась

16,7‰ [32]. Соответственно, естественный прирост в годы войны снижался, но в основном за счет заметного сокращения рождаемости.

Одного снижения рождаемости (на фоне относительно низкой смертности) было недостаточно, чтобы вызвать демографическую катастрофу. Сокращение естественного прироста в Российской империи в 1914–1917 гг. было относительно плавным. Как указывает В.М. Кабузан, в период Первой мировой войны в России естественный прирост был даже выше, чем в таких невоюющих странах, как Швеция, Швейцария, Дания и Норвегия [33]. Соответственно, население России в годы Первой мировой войны прошло через классический вариант демографического кризиса. Как писал С.А. Новосельский, «за годы войны (1914–1917 гг.) наиболее резкие изменения претерпели брачность и рождаемость населения; смертность гражданского населения... значительных изменений не представляла» [34]. Тем не менее демографический кризис периода Первой мировой войны, вызванный снижением рождаемости, если и не привел к сокращению численности населения, то, во всяком случае, замедлил темпы его роста. Дефицит рождений в 1915–1917 гг. в целом по стране составил, по расчетам С.А. Новосельского, около 6 млн. [35], а по расчетам Б.Ц. Урланиса – 7,2 млн. чел. [36]. Несмотря на кризис, в годы мировой войны население Сибири увеличилось на полмиллиона человек (почти на 7%), поскольку естественный прирост оставался все же положительным. Правда, основной прирост пришелся на городское население, которое в 1914–1918 гг. увеличилось на 27%, тогда как сельское – на 4,5% (табл. 1).

Таблица 1*

Динамика численности населения Сибири в 1914–1918 гг.
(на начало года), тыс. чел.**

Год	Городское население	Сельское население	Всего
1914	791,4	7002,6	7794,0
1915	800,1	6847,4	7647,4
1916	815,8	7001,5	7817,3
1917	808,5	7255,6	8064,1
1918	1007,9	7316,5	8324,4
1918 г. в % к 1914 г.	127,4	104,5	106,8

* Таблица составлена по данным: Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 98–99.

**Е.З. Волков относит к Сибирскому краю Енисейскую, Иркутскую, Томскую, Тобольскую губернии. Забайкальская губерния отнесена им к Дальнему Востоку. Таким образом, Сибирский край в понимании Е.З. Волкова территориально приблизительно совпадает с Сибирским краем, созданным в 1925 г.

В литературе встречаются и другие цифры. По расчетам В.М. Кабузана, основанных на данных естественного и механического движения населения, в Сибири (в границах Тобольской, Томской, Иркутской, Енисейской и Забайкальской губерний) на начало 1917 г. проживало 9 838 тыс. чел., а по отчетам губернаторов (в тех же границах и на ту же дату) – 9 272 тыс., по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. – 9 402 тыс. чел. [37]. Между тем в 1914 г. население Сибири (в границах Алтайской, Енисейской, Иркутской, Омской, Ново-Николаевской, Томской, Тюменской, Якутской губерний и Забайкальской области) составляло 8 024 тыс. чел. [38]. Таким образом, несмотря на имеющиеся расхождения (они вызваны различными методиками подсчетов и неодинаковостью территорий, включаемых в состав Сибири), все цифровые материалы свидетельствуют о росте населения Сибирского региона в период Первой мировой войны.

Кардинальные перемены в демографической ситуации произошли в 1918 г. В Сибири на этом этапе начался послевоенный компенсаторный рост рождаемости, который стал результатом некоторого выравнивания соотношения полов. Этот процесс был обусловлен массовым дезертирством, введением отпусков для солдат, смягчением режима содержания военнопленных и, наконец, демобилизацией царской армии. Оценить более или менее точно демографический эффект частичного преодоления дисбаланса полов не представляется возможным из-за состояния источниковой базы. Однако известно, что, согласно материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Сибирском крае насчитывалось 227 тыс. детей 1918 года рождения, 160 тыс. детей 1917 г. р., 173 тыс. детей 1916 г. р. [39]. Эти данные явственно демонстрируют нарастание числа детей в семьях сибиряков после 1917 г.

Рост рождаемости не означал, что демографическая подсистема Сибири в 1918 г. вступила в стадию подъема. Напротив, население региона пережило мощную демографическую катастрофу, начало которой было бы правильным отнести примерно к концу 1918 – началу 1919 гг. Катастрофа была инициирована не снижением рождаемости (как это было во время демографического кризиса 1914–1917 гг.), а резким подъемом смертности. Гражданская война, развернувшаяся непосредственно на территории Сибири, принесла с собой не только гибель людей в ходе боевых действий. Главной причиной роста смертности сибиряков стали массовые эпидемии инфекционных заболеваний, активированные распадом государственных структур, разрушением системы здравоохранения и санитарного контроля, экономической разрухой, голодом. Широкое распространение в Сибири получили сыпной тиф, холера, дизентерия, оспа, скарлатина, туберкулез.

Зима 1919–1920 гг. была в этом отношении особенно тяжелой. После отступления колчаковцев в Омске насчитывалось 12 тыс. больных тифом, в больницах Красноярска в конце января 1920 г. находилось более 10 тыс.

больных, примерно столько же в Томске. Всего в 1920 г. в Сибири было зарегистрировано около 600 тыс. случаев тифозных заболеваний [40]. Летальность от тифа поднялась до критических величин. В 1920 г. погибло почти 90% людей, заболевших этой болезнью [41]. В Томске в этом году коэффициент смертности достиг невиданной ранее отметки – 100%, причем показатель смертности мужчин составлял 170%, а в возрастном диапазоне 20-29 лет из каждых 100 мужчин погибло 33 чел. [42]. Одновременно в 1919 г. сократилась рождаемость, что на фоне повышенной детской смертности привело к снижению численности поколений. Согласно данным переписи 1926 г., число детей 1919 года рождения составило в Сибирском крае 204 тыс., 1920 г.р. – 200 тыс. чел. [43].

Изгнание колчаковцев из Сибири не только не улучшило, но, напротив, усложнило демографическую ситуацию. Гражданская война продолжалась. Она приняла другие формы. В связи с начавшейся продразверсткой в Сибири развернулось массовое вооруженное крестьянское движение, охватившее все уголки Сибири, от Прииртышья до Забайкалья. В довершение всех бед в 1920 г. неурожай поразил Омскую и Алтайскую губернии. Урожай 1921 г. также оказался низким из-за засухи, охватившей многие волости и уезды Омской, отчасти Новониколаевской и Томской губерний. Население продолжало нести потери из-за голода и инфекционных болезней, которые усугублялись тем, что размеры продразверстки не были уменьшены. В 1921 г. в Сибирском крае было зафиксировано почти 130 тыс. случаев брюшного, сыпного и возвратного тифа, 24 тыс. случаев дизентерии, 14 тыс. заболеваний оспой, свыше 19 тыс. заболеваний холерой [44]. При этом нельзя упускать из виду, что большинство заболеваний не регистрировалось медицинской статистикой того времени.

Таблица 2*

**Динамика численности населения Сибири в 1918–1922 гг.
по оценке Е.З. Волкова (на начало года), тыс. чел.**

Год	Городское население	Сельское население	Всего
1918	1007,9	7316,5	8324,4
1919	958,8	7431,6	8390,4
1920	935,6	7875,6	8811,2
1921	901,4	8111,4	9012,8
1922	967,1	8298,1	9265,2
1922 г. в % к 1918 г.	95,9	113,4	111,3

* Таблица составлена по данным: Волков Е.З. Динамика народонаселения... С. 98–99.

Городское население Сибири за период с начала 1918 г. по начало 1921 г. сократилось на 4%. Это происходило как за счет вымирания горожан вслед-

ствие эпидемий, так и в результате их массового оттока в сельскую местность и другие регионы России. Известную роль сыграло и так называемое «белое беженство». По мере наступления Красной армии из сибирских городов вслед за армией Колчака уходили купцы, чиновники, интеллигенция, часть рабочих. Снижение численности городского населения – чрезвычайно редкое явление в демографической истории Сибири. Даже в годы Первой мировой войны городское население региона увеличивалось (табл. 2).

Что касается сельского населения, то его рост обеспечивался миграционным притоком людей, причем не только из сибирских городов, но и из-за пределов региона. Согласно данным переписи населения 1926 г., численность неместных уроженцев, прибывших в Сибирский край в 1914–1920 гг., составляла 592 тыс. чел., из которых только 139 тыс. (23,5%) поселились в городах, а остальные – в сельской местности [45]. В действительности приток новоселов в 1914–1920 гг. был значительно больше, так как часть из них не дожила до переписи 1926 г. или выехала до декабря 1926 г. за пределы края. Приток мигрантов нейтрализовал общее сокращение численности сибиряков.

Тенденция к нормализации демографической ситуации в Сибири проявилась только в 1922 г. Это было связано с кардинальными сдвигами во внутренней политике большевистского правительства. Введение нэпа стабилизировало не только экономику, но и демографическую подсистему общества. Рождаемость стала быстро увеличиваться, а смертность несколько сократилась, хотя и оставалась весьма высокой. Естественный прирост колебался в пределах 19–24‰, что обеспечивало высокие темпы роста численности сибиряков (табл. 3).

Таблица 3*

Воспроизводство населения Сибири в 1923 г. (на 1000 чел. населения)**

Губернии	Родилось	Умерло	Естественный прирост
РСФСР (51 губерния)	42,2	22,9	19,3
Алтайская	55,9	35,4	20,5
Енисейская	46,0	27,4	18,8
Иркутская	42,6	23,4	19,2
Ново-Николаевская	54,5	32,2	22,3
Омская	47,9	25,9	22,0
Томская	47,1	23,3	23,8

*Таблица составлена по данным: Народное хозяйство Союза ССР в цифрах с приложением данных по Мировому Хозяйству. Стат. справочник. Год 2-й. М., 1925. С. 40, 42.

** В используемом статистическом сборнике коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста приведены не в промилле, а на 10 000 чел. населения. Для удобства читателей автором осуществлен пересчет в промилле.

Нэп не только обеспечил преодоление демографической катастрофы и стабилизацию демографической сферы, но и быстрое нарастание численности населения Сибири. После 1923 г. уровень рождаемости продолжал нарастать, коэффициент смертности снижался, а естественный прирост увеличивался. В 1928 г. общий коэффициент рождаемости в сельской местности Сибирского края вырос до 57‰, коэффициент смертности сократился до 23‰, в городских поселениях – соответственно до 41 и 21‰ [46]. Сибирь в годы нэпа и, особенно во второй половине 1920-х гг., переживала своего рода демографический взрыв. В сельской местности Сибирского края показатели рождаемости достигли биологического максимума. Например, в Каменском округе общий коэффициент рождаемости в 1928 г. составлял 62‰, в Рубцовском округе в 1927 г. – 61, а в 1928 г. – 64‰ [47]. Важным фактором, стимулирующим рождаемость в сибирской деревне, была экономическая выгодность детей, начинавших трудовую деятельность в самом раннем возрасте. Чем больше в семье детей, тем больше земли семья может обработать. В Сибири в условиях многоземелья большинство так называемых «кулацких» хозяйств было многодетными. Немаловажную роль в стимулировании рождаемости играло наличие в регионе большого количества молодежи, вступавшей в репродуктивный возраст.

Чрезвычайно важно, что рост рождаемости сопровождался медленным, но устойчивым снижением детской смертности. Коэффициент детской смертности по Сибирскому краю (число умерших младенцев в возрасте до одного года на 1000 родившихся) во второй половине 1920-х гг. представлял собой следующие величины [48]:

1925 г.....	232,3
1926 г.....	235,3
1927 г.....	223,9
1928 г.....	197,0

Как видим, за 1925–1928 гг. уровень детской смертности сократился более чем на 15%, что являло собой внушительное достижение коммунистического режима. В основе снижения как детской, так и общей смертности лежали не только стабилизация политической и экономической ситуации в стране, преодоление революционного хаоса и голода, но и такой мощный фактор, как государственная политика в области здравоохранения, направленная в те годы, прежде всего, на борьбу с острыми инфекционными заболеваниями и распространение основ санитарной культуры.

В итоге, в регионе увеличивалась продолжительность жизни населения, показатели которой, как известно, являются главным барометром социальной жизни. Согласно таблицам смертности и продолжительности жизни, составленных С.А. Новосельским и В.В. Паевским для 1926–1927 гг., ожи-

даемая продолжительность жизни населения Сибирского края составляла 41 год, в том числе в городах – 38 лет, а в сельской местности – 42 года [49].

Сокращение смертности, высокая рождаемость и приток переселенцев в Сибирь из других регионов СССР обусловили быстрое увеличение численности населения региона. По данным демографической переписи 1920 г., в Сибири (в границах Алтайской, Енисейской, Иркутской, Омской, Ново-Николаевской, Томской, Тюменской, Якутской губерний и Забайкальской области) проживало 9284,8 тыс. чел. [50]. Перепись 1926 г. зафиксировала в Сибири (в современных административно-территориальных границах) 11024 тыс. чел. [51].

Однако переоценивать достижения большевистского режима в годы нэпа было бы ошибкой. Средняя продолжительность жизни была еще невысокой – сказывались лихолетье гражданской войны, низкий уровень материального обеспечения населения, слабое развитие здравоохранения, нехватка лекарственных средств, а главное – еще значительная распространенность инфекционных заболеваний. Одних только заболеваний тифом в 1927 г. в Сибирском крае было зафиксировано почти 17 тыс., кори – 25 тыс., коклюша – 33 тыс., дизентерии – 27 тыс. случаев. Широко был распространен туберкулез. Свыше 70 тыс. больных туберкулезом сибиряков проживали в городах и селах края. Кроме того, в 1927 г. было отмечено почти 5 тыс. заболеваний цингой [52].

Состояние здоровья населения Сибирского края было далеко не идеальным (табл. 4). Еще сказывались последствия пережитых войн, революционных потрясений, низкий уровень материального обеспечения людей. Обследование заболеваемости пионеров Новосибирска, проведенное врачами города в 1925 г., продемонстрировало, что среди детей 8–9 лет около 14% страдали туберкулезом, 35% – малокровием, среди 11-летних эти цифры составляли 8 и 46%, среди 15-летних подростков – соответственно 12 и 37%, 16-летних – 10 и 23%. В целом, из 2 086 обследованных детей и подростков от 8 до 16 лет здоровыми были признаны только 808 чел. (39%) [53].

Таблица 4*

**Причины смерти городского населения ** Сибирского края
1928–1929 гг. (в % к общему числу умерших)**

Причины смерти	1928 г.	1929 г.
Эпидемические и инфекционные болезни:	25,2	25,4
В том числе:		
Брюшной тиф и паратиф	1,9	1,6
Сыпной тиф	0,1	0,1
Оспа натуральная	0,4	0,1
Корь	3,3	3,6
Туберкулез	11,3	10,8
Рак и прочие злокачественные новообразования	5,6	4,5

Причины смерти	1928 г.	1929 г.
Болезни нервной системы и органов чувств	7,0	6,5
Болезни органов кровообращения	8,4	8,2
Болезни органов дыхания	16,0	17,3
В том числе:		
Воспаление легких	12,8	13,2
Болезни органов пищеварения	16,0	16,2
В том числе:		
Диарея и энтерит	11,9	11,2
Преждевременное рождение и прочие болезни новорожденных	5,5	4,9
Самоубийство и смерть от внешних причин	5,2	5,2
Прочие и не указанные причины смерти	11,1	18,3
Всего	100,0	100,0

* Таблица составлена по данным: *Статистика Сибири. Сб. статей и материалов. Новосибирск, 1930. Вып. III. С. 66–69.*

** По сельской местности статистика причин смерти населения Сибири в 1920-е гг. не велась.

Табл. 4 позволяет сделать вывод, что в 1920-е гг. основная масса сибиряков умирала от инфекционных болезней, заболеваний органов дыхания и пищеварения, т. е. от тех причин, которые обусловлены еще низким уровнем жизни, невысоким уровнем санитарной культуры населения, слабостью здравоохранения, недостатком лекарств. Важно отметить, что эти болезни поражают, в первую очередь, детей и лиц активных возрастов, тогда как болезни старших возрастов (рак, сердечно-сосудистые заболевания) занимали небольшое место в структуре причин смерти. Это ведет, с одной стороны, к очень высокой детской смертности, а с другой – значительно сокращает продолжительность жизни. В Сибири в 1920-е гг. именно туберкулез, тиф, корь, дифтерия, дизентерия, колиты, диарея и энтерит были главным фактором, сокращавшим продолжительность жизни. По оценке Р.Н. Бирюковой, смертность от туберкулеза в 1920-е гг. сокращала потенциальную продолжительность жизни населения СССР на 5 лет, от воспаления легких – на 5,5, от скарлатины, брюшного тифа и дифтерии – на 2,7 года [54].

Еще одной характерной чертой демографического развития Сибири в 1920-е гг. являлись чрезвычайно слабо выраженные ассимиляционные процессы. Межнациональные браки в то время уже не являлись редкостью, но и не получили значительного распространения (табл. 5).

Таблица 5*

Удельный вес межнациональных браков, ** 1927 г. (по данным загов г. Читы), %

Национальность невесты и жениха	Русский жених	Русская невеста
Русские	92,7	87,5
Украинцы	1,6	3,7
Белорусы	0,3	1,1
Поляки	1,6	1,1
Татары	0,7	
Евреи	2,5	2,9
Китайцы	–	1,8
Прочие	0,6	1,9
Всего	100,0	100,0

* Таблица составлена по данным: ГАИО. Ф. 2701. Оп. 1. Д. 4. Л. 47.

** Вслед за статистиками тех лет за точку отсчета мы вынуждены принять русских как самый многочисленный народ Сибири.

Как видим, в 1927 г. в Чите (а по этим отрывочным данным можно судить и о ситуации по всей Сибири) удельный вес мононациональных браков составлял у русских женихов 93, невест – 88%. Кроме того, еще почти 2% русских мужчин и 5% русских женщин заключили брак с украинцами и белорусами. Эти браки, учитывая близость языка, культуры и конфессиональной принадлежности восточнославянских народов, не могут считаться в полном смысле межнациональными. Таким образом, на ассимиляционные браки у русских приходилось всего около 5% мужских и 8% женских бракосочетаний. Аналогично обстояло дело и у представителей других наций и народностей Сибири.

Вялотекущие ассимиляционные процессы в значительной степени объясняются абсолютным преобладанием русских в составе населения Сибири, особенно городского. Всесоюзная перепись населения 1926 г. показала, что в Сибири (в границах Сибирского края) проживало 8,7 млн. чел., из которых 6,8 млн. были русскими (табл. 6).

Таблица 6*

Численность и удельный вес русских в Сибирском крае по данным переписи 1926 г.

Показатели	Городское население	Сельское население	Всего
Все население:			
– абс.	1 131 930	7 556 009	8 687 939
– доля, %	13,0	87,0	100,0

Показатели	Городское население	Сельское население	Всего
Русские:			
– абс.	981 487	5 786 405	6 767 892
– доля, %	86,7	76,5	77,9
Прочие:			
– абс.	150443	1769604	1920047
– доля, %	13,3	23,5	22,1

* Таблица составлена по данным: Сибирский край. Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 32–39, 40–47.

Согласно данным, полученным в ходе переписи 1926 г., на долю русских в Сибирском крае приходилось почти 78% населения. Особенно значительным был удельный вес русских в городах. Здесь их прослойка составляла около 87%. В этом смысле города Сибири, в особенности крупные, являли собой мононациональные образования. Вообще необходимо отметить, что русские в середине 1920-х гг. были одним из самых высокоурбанизированных народов региона. Как показала перепись 1926 г., из каждой 1000 русских, проживавших в Сибири, в городских поселениях было сосредоточено 146 чел., тогда как из каждой 1000 украинцев и белорусов – 39, якутов – 37, алтайцев – 19, бурят – 9, хакасов – 4 чел. [55].

3. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ В 1930-е ГОДЫ

Период относительного благополучия, порожденного нэпом, оказался кратковременным, чтобы принципиально повлиять на процессы демографического перехода. На рубеже 1920–1930-х гг. в воспроизводстве населения Сибири произошли кардинальные изменения. Развернувшаяся полным ходом ускоренная индустриализация, сопровождавшаяся проведенной варварскими методами коллективизацией и так называемым «раскулачиванием», полностью изменили образ жизни людей. С нэпом было решительно покончено. Этатизированная экономика отныне служила политическим целям сталинского режима. Подавляющая масса имевшихся в распоряжении государства ресурсов направлялась в тяжелую промышленность. Сельское хозяйство, легкая промышленность, а вместе с ними и сфера потребления были принесены в жертву индустриальным амбициям Сталина. Государство выкачивало из деревни все, что представляло хоть какую-нибудь ценность. Экспорт хлеба принимал все более значительные масштабы. Между тем производство продовольствия в связи с разорением деревни снижалось.

Уровень материального обеспечения населения резко сократился. Продукты питания, одежда, обувь, лекарства, жилье превратились в остродефицитные товары, строго распределяемые в централизованном порядке. Здравоохранение переживало трудные времена из-за недостатка финансирования, мизерного ресурсного обеспечения, нехватки врачей и среднего медицинского персонала.

Сотни тысяч крестьян были депортированы или вынуждены мигрировать в города, численность населения которых быстро росла. Города не были готовы к приему такого количества новоселов. Люди вынужденно селились в бараках, землянках, насыпках, которые как грибы росли вокруг промышленного ядра – завода, фабрики или комбината. Теснота, скученность, хроническое недоедание, запущенность коммунального хозяйства, полное пренебрежение санитарными нормами, массовые перемещения населения по территории страны обусловили быстрое распространение инфекционных заболеваний, перераставших в эпидемии. Это лежало в основе быстро нарастающего процесса увеличения показателей смертности. К сожалению, сбой в учете естественного движения населения, произошедший в конце 1920-х – начале 1930-х гг. не дает возможности более-менее точно проследить динамику этого процесса. В распоряжении историков имеются отрывочные материалы. Так, в городах Западной Сибири за 1929–1930 гг. общий коэффициент смертности вырос на 11, в Восточной – на 14% [56]. Продолжительность жизни населения СССР в 1930 г. понизилась до 36,5 лет, тогда как еще в 1928 г. она составляла почти 40 лет [57].

Одновременно очень резко сократились показатели рождаемости. Если в 1928 г. (в начале первой пятилетки) в городских поселениях Сибирского края на 1000 человек населения на свет появились 53 младенца, то в 1930 г. в Западной Сибири – 35, Восточной – 27 младенцев [58]. Нет сомнения, что в сельской местности, по которой приемлемые для научного анализа данные отсутствуют, показатели рождаемости также сократились и, возможно, в еще большей степени. Снижение показателей рождаемости обуславливалось падением уровня жизни. Часть семей в процессе демографического перехода искусственно ограничивала количество детей, перенося их рождение «на потом», до лучших времен. Рост смертности с одновременным падением показателей рождаемости предопределили сокращение индекса естественного прироста. Темпы роста населения Сибири падали.

Несмотря на множившиеся тревожные сигналы о явном неблагополучии демографической сферы, внутренняя политика сталинского правительства, направленная на форсированную индустриализацию и насильственную коллективизацию, не только не была откорректирована, но, напротив, усилена. Потребление народа было принесено в жертву тяжелой промышленности. Производство сельскохозяйственной продукции падало, тогда как

экспорт продовольствия нарастал. По данным Н. А. Ивницкого, только в начале 1930-х гг. за границу было продано 18 млн. ц зерна [59].

Последствия этой жестокой политики в полной мере сказались осенью 1932 г. В Советском Союзе разразился страшный голод. Считается, что голод поразил в первую очередь хлебопроизводящие районы Украины, Поволжья, Северного Кавказа, Казахстана, Центрально-Черноземной области. Сегодня обнаружено множество документов, подтверждающих, что голод разразился и в Западной Сибири, в таком богатом аграрном районе, как Алтай. Голод также затронул территории современных Новосибирской, Омской и Тюменской областей. Отметим и еще одну особенность: чем выше был урожай, тем выше уровень смертности, поскольку конфискации зерна затрагивали, прежде всего, хлебопроизводящие районы (табл. 7).

*Таблица 7**

Урожайность пшеницы и уровень смертности по отдельным районам Западно-Сибирского края

Районы края	Урожайность пшеницы в 1932 г. (ц/га)	Смертность в 1933 г., ‰	Детская смертность в 1933 г., ‰
Поспелихинский	5,6	40,7	268,0
Рубцовский	4,7	35,6	236,6
Волчихинский	4,4	33,4	237,9
Здвинский	3,9	32,3	210,3
Тальменский	4,2	44,5	256,0

* *Таблица составлена по данным: ГАНУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 209. Л. 7–8.*

Восточная Сибирь также представляла собой район, пораженный голодом, по меньшей мере, проявившимся в скрытом, латентном виде. Он выражался в длительном, хроническом недоедании, но при наличии минимального количества низкокачественных продуктов, бедных витаминами и белками. В конечном счете, белково-витаминное голодание было не менее опасным для здоровья людей, чем абсолютный голод.

Неизбежными спутниками любого голода, а такого масштабного, как голод 1932–1933 гг. в особенности, являются эпидемии инфекционных заболеваний. Ослабленный длительным хроническим недоеданием человеческий организм становился жертвой многочисленных инфекций. Их быстрому распространению способствовали бурные миграции (бегство крестьян в города), тяжелые условия жизни, скученность, антисанитария, неразвитость коммунального хозяйства городов, слабость здравоохранения и санитарного контроля.

Советская санитарная статистика, которая в силу ряда объективных и субъективных причин, преуменьшала масштабы голода, зафиксировала в 1932–1933 гг. вспышку таких опасных инфекций, как сыпной, брюшной

и возвратный тиф, а также корь, дифтерию, скарлатину, коклюш, дизентерию. Самое широкое распространение получили туберкулез, бронхит, воспаление легких, многочисленные авитаминозы, такие, как цинга и пеллагра. Уже в 1932 г., по далеко неполным данным, только в Западно-Сибирском крае было зафиксировано свыше 60 тыс. заболеваний брюшным и сыпным тифом и 10 тыс. заболеваний натуральной оспой [60]. В 1933 г. уровень заболеваемости тифом достиг критических отметок. Краевой государственной инспектор саннадзора З. Г. Толстунова в январе 1933 г. докладывала секретарю Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе: «Эпидемическое состояние края продолжает оставаться чрезвычайно тяжелым. Основными пораженными участками являются Сталинск, Новосибирск, Барнаул, Омск, Прокопьевск, Анжерка, Ново-Омский район, Рубцовский район, Исиль-Кульский, Троицкий, Черепановский» [61].

Большой бедой для сибиряков, в первую очередь, сельских жителей, стала септическая ангина, которая возникала после употребления в пищу зерна, пролежавшего зиму на полях, толченого камыша, озерных и речных водорослей. Причем заболеванию всегда предшествовали длительное недоедание, недостаток белков и витаминов. Впервые септическая ангина, летальность от которой достигала 80-90%, была зафиксирована в мае 1932 г. в южном Казахстане. Вскоре она распространилась по Уралу, Киргизии и Западной Сибири.

Такого рода ситуация предопределила структуру причин смертности, в которой преобладали факторы экзогенного характера, зависящие от влияния неблагоприятных факторов внешней среды. Так, в 1933 г. в городах Западной Сибири на долю умерших от инфекционных и паразитарных болезней приходилось почти 30%, от болезней органов дыхания – 13, болезней органов пищеварения – свыше 20% [62]. Аналогично ситуация складывалась и в городских поселениях Восточной Сибири. Здесь в 1933 г. во всей совокупности умерших на долю скончавшихся от острых инфекций приходилось 14, желудочно-кишечных болезней – почти 21, болезней органов дыхания – 12% [63]. Именно эти болезни на фоне голода и определили стремительное увеличение смертности, ее концентрацию в детских и старческих возрастах. Так, в Западной Сибири в общей совокупности умерших в 1933 г. на долю детей до четырех лет приходилось 40%, а удельный вес стариков старше 60 лет составлял почти 16% [64]. Мужчины погибали чаще, чем женщины. Среди горожан, скончавшихся в 1933 г., прослойка мужчин составляла 60% [65].

Уже осенью 1932 г. уровень смертности достиг величины, которая характеризуется как сверхсмертность. Показатели смертности значительно превосходили уровень рождаемости, значительно, кстати, сократившийся. По СССР в целом в 1933 г. общий коэффициент рождаемости понизился

до 35%, тогда как коэффициент смертности достиг 72%. Ожидаемая продолжительность жизни уменьшилась в этом году до 12 лет, в том числе у мужчин она составляла всего 10 лет, у женщин – 13 лет [66].

Отсутствие достоверных сведений о численности населения Сибири в 1932–1933 гг., количестве родившихся и умерших не дает возможности представить хотя бы относительно цельную картину демографических последствий голода на территории края. В нашем распоряжении имеются лишь разрозненные, крайне недостоверные сведения. Согласно данным ЦУНХУ, в Обь-Иртышской области (ныне территория Тюменской и частично Омской областей) смертность достигла в городах 47%, а в сельской местности – 34% [67]. В Западно-Сибирском крае в 1933 г. в городах родилось 50 тыс., но умерло 52 тыс., в сельской местности – соответственно 244 тыс. и 168 тыс. чел. [68]. В городах Восточно-Сибирского края коэффициент рождаемости в 1933 г. составил 33,2‰, коэффициент смертности – 40,9‰ [69]. Отрицательный естественный прирост (смертность превышала рождаемость) в этом году был характерен для Иркутска, Читы, Черемхово [70]. В сельской местности Восточной Сибири родилось 39 тыс., а умерло 24 тыс. чел. [71].

В действительности показатели смертности в сельской местности Западной и Восточной Сибири были значительно выше. Отрицательный естественный прирост был характерен не только для городов, но и для сельской местности. Однако в деревне недоучет умерших был настолько значителен, что он сильно искажал реальную картину демографического развития. В целом, демографическая катастрофа 1932–1933 гг. унесла жизни нескольких сотен тысяч сибиряков, но определить их число из-за состояния источниковой базы пока не представляется возможным.

Завершение первой пятилетки означало, что яростный напор сталинского государства, направленный на достижение астрономически высоких темпов индустриализации, был несколько ослаблен. Вторая пятилетка, контрольные цифры которой предусматривали развитие легкой и пищевой промышленности, выглядела реалистичнее, чем первая. Коллективизация близилась к завершению. Политотделам МТС и совхозов удалось навести элементарный порядок в огосударственных крестьянских хозяйствах. Аграрный сектор экономики несколько стабилизировался, а экспорт зерна за границу сокращался. На этой основе удалось преодолеть голод, обеспечить население минимально необходимыми для выживания продуктами. Одновременно сталинское правительство, встревоженное эпидемиями, уносившими рабочую силу, существенно улучшило ресурсное обеспечение здравоохранения. В стране строились новые больницы, увеличился выпуск лекарств, разрабатывались новые медицинские препараты. В результате уже в 1934 г. уровень рождаемости превысил уровень смертности. Депопуляция была преодолена. Демографическая ситуация в течение всего 1934 г. оста-

валась неустойчивой, но тенденция к ее улучшению проявилась достаточно отчетливо. К 1935–1936 гг. удалось привести демографическую статистику в состояние, более или менее отвечающее потребностям государства (табл. 8). Сведения о естественном движении населения были еще неточны, но их уже можно использовать для анализа общих тенденций развития населения.

*Таблица 8**

***Число рождений и смертей, зарегистрированных загсами Сибири**
в 1935–1938 гг., тыс. случаев***

Год	Зарегистрировано рождений	Зарегистрировано смертей	Естественный прирост
1935	465,0	257,1	207,9
1936	499,5	277,8	221,7
1937	581,7	298,7	283,0
1938	569,0	273,9	295,1

* Таблица составлена по данным: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 332. Л. 9 об., 17, 19, 27, 29, 74 об., 105; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 124. Л. 1, 25, 41, 64, 72, 138, 140; Оп. 329. Д. 790. Л. 271, 260–263.

** По административно-территориальному делению соответствующих лет.

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении цифровые материалы не дают возможности рассчитать даже общие (грубые) коэффициенты воспроизводства (отсутствуют приемлемые данные о численности населения). Но и без этого ясно, что число родившихся в Сибири в 1935–1937 гг. увеличилось, смертность стабилизировалась, а размеры естественного прироста возрастали из года в год.

В основе роста рождаемости, вне всякого сомнения, лежали такие факторы, как преодоление голода и постепенное повышение уровня материального обеспечения людей. Жизнь была очень скромной, много не хватало, но после того, что люди пережили в 1932–1933 гг., даже мизерное улучшение жизни, отмена карточек, появление в магазинах хлеба, крупы и промтоваров казались им большим достижением. Традиции многодетности в силу незавершенности демографического перехода были еще сильны. Многие семьи сознательно стремились к большому числу детей. В итоге, отложенные в 1932–1933 гг. рождения детей сконцентрировались на узком отрезке времени, и в стране поднялась своеобразная компенсаторная волна рождаемости.

Еще одним важным фактором повышения рождаемости была демографическая политика сталинского правительства, его стремление возместить потери населения, понесенные в период голода. Для этого был избран простой, топорный, но казавшийся в то время эффективным путь тотального административного давления. Специальным постановлением ЦИК СССР от 27 июня 1936 г. в стране были запрещены аборты и установлены пособия на

воспитание детей [72]. В данном случае советские законодатели исходили из крайне примитивного представления о развитии демографической сферы. Они рассуждали примерно так: в стране производится большое количество аборт. Только в 1935 г. в СССР было зарегистрировано около 1,2 млн. операций по прерыванию беременности [73]. Если бы эти беременности закончились родами, то в стране было бы на 1,3 млн. детей больше. И действительно, шоковый эффект, действовавший в первое время после запрещения абортов и вплоть до середины 1937 г., привел к тому, что рождаемость увеличилась.

Что касается смертности, то в 1935–1936 гг. ее показатели значительно сократились по сравнению с периодом голода. Но затем уровни смертности стабилизировались. Они не повышались, но и не снижались, несмотря на все усилия властей. Во всяком случае, ожидаемая продолжительность жизни населения Советского Союза в 1935 г. достигла 40 лет (рост по сравнению с 1933 г. увеличилась на 28 лет), в 1936 г. составила 41 год, в 1937 г. – 40 лет, в 1938 г. – 41 год. Была стабилизирована и детская смертность, которая застыла на достаточно высоком уровне (табл. 9).

Таблица 9*

*Детская смертность в Сибири** в 1935–1937 гг.*

Год	Зарегистрировано смертей в возрасте до одного года, тыс. случаев	На 1000 родившихся умерло детей в возрасте до одного года
1935	82,3	176,9
1936	95,1	190,5
1937	108,6	186,7
1938	108,1	190,0

* Таблица составлена по данным: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 332. Л. 9 об., 17, 19, 27, 29, 74 об., 105; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 124. Л. 1, 25, 41, 64, 72, 138, 140; Оп. 329. Д. 790. Л. 271, 260–263.

** По административно-территориальному делению соответствующих лет.

По-видимому, и в стране в целом, и в Сибири в частности к концу 1930-х гг. была достигнута «точка замерзания»: уровень жизни и степень развития здравоохранения не позволяли смертности увеличиваться, но были явно недостаточны для ее снижения. Рост смертности между 1935 и 1936 гг. объясняется не конъюнктурой уровня материальной обеспеченности, а своего рода артефактом – улучшением статистического учета демографических событий. Такого рода необычная демографическая ситуация обусловила и некоторые тенденции численности населения Сибири (табл. 10).

**Динамика численности населения Сибири
по данным Всесоюзных переписей населения, тыс. чел.**

Перепись	Все население	Городское население	Сельское население
Перепись 1926 г. **	11024,0	1415,0	9609,0
Перепись 1937 г. ***	13497,4	3999,0	9498,0
Перепись 1939 г. **	14114,0	4425,0	9689,0
1939 г. в % к 1926 г.	128,0	312,7	100,8

* Таблица с оставлена по данным: Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 56–59; Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973. Стат. сборник. М., 1975. С. 16, 18.

** В современных административно-территориальных границах.

*** В административно-территориальных границах 1937 г.

Табл. 10 показывает, что между переписями 1926 и 1939 гг. население Сибири выросло в абсолютном выражении на 3 млн. чел. Но рост этот почти полностью был обеспечен резким увеличением городского населения, которое более чем утроилось. Численность сельского населения практически не увеличилась. Между переписями 1926 и 1937 гг. количество жителей сибирской деревни вследствие голода и миграционного оттока сократилось на 111 тыс. чел. и только в 1937–1939 гг. выросло на 191 тыс. чел. Таким образом, весь прирост городского населения был обусловлен перемещением жителей деревни в города. По нашим расчетам, удельный вес сальдо миграции во всем приросте городского населения Сибири в 1926–1939 гг. составлял 72%, на долю преобразования сельских населенных пунктов в городские пришлось почти 15%, тогда как удельный вес естественного прироста не превышал 13,3% [74]. Именно за счет сибирской деревни особенно быстро росло население Новосибирска, Сталинска (ныне Новокузнецк), Прокопьевска, Киселевска, Омска, Кемерово, Красноярска, Иркутска, Читы.

4. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Важным этапом демографической истории Сибири стал период с начала 1939 г. – до середины 1941 г. Это были годы, когда в Европе вызревала, а 1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война. Советский Союз, проводивший напористую и агрессивную внешнюю политику, оказался в самом эпицентре международных событий. Военные конфликты и войны, в которых принимал участие СССР (май–сентябрь 1939 г. – военный конфликт с Японией на р. Халхин-Гол; ноябрь 1939 – март 1940 гг. – война с Финляндией; 1939–1940 гг. – присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии,

стран Прибалтики, Бесарабии и Северной Буковины), требовали быстрого наращивания военной мощи.

1 сентября 1939 г. в СССР был принят «Закон о всеобщей воинской обязанности». Численность Красной армии стала быстро увеличиваться. И если на 1 сентября 1939 г. она составляла 1,9 млн. чел., то на 22 июня 1941 г. – 5,7 млн. [75]. Крупные мобилизации мужчин в армию были проведены и в сибирском регионе. По крайней мере, несколько сот тысяч мужчин бракоспособного возраста в Сибири были исключены из сферы брачно-семейных отношений, что незамедлительно сказалось на динамике рождаемости.

Статистики центра первоначально пытались игнорировать воздействие военного фактора на динамику рождаемости, объясняя ее спад ростом абортных и демографическими последствиями Первой мировой и Гражданской войн. Малочисленные поколения девочек, родившиеся в 1915–1920 гг., в конце 1930-х – начале 1940-х гг. вступили в репродуктивный возраст и не могли дать большого потомства. Но неискушенные в политике провинциальные работники дезавуировали эти «диалектические» маневры». Так, исполняющий обязанности начальника Красноярского краевого статистического управления Донской и начальник сектора населения и здравоохранения Каплун в докладной записке, направленной 3 июня 1941 г. в Отдел демографии ЦСУ СССР, писали: «На снижение рождаемости оказало влияние и то обстоятельство, что во второй половине 1939 и в первой половине 1940 г. имели место события на МНР (так в источнике. – *В.И.*), в Западных областях Украины и Белоруссии и в Финляндии. Вследствие чего значительная часть мужского населения нашего края длительное время отсутствовала, что, конечно, оказало некоторое воздействие на рождаемость в сторону ее снижения» [76].

Отметим, что крупномасштабные призывы мужчин в армию проходили на фоне уже нарушенного баланса полов вследствие сверхсмертности советских мужчин. По данным переписи 1939 г., удельный вес мужчин в населении РСФСР составлял всего 47,2%, в Алтайском крае – 47, Красноярском – 49,3, Новосибирской области – 47,5, Омской – 47,2% [77]. Соотношение мужчин и женщин было особенно неблагоприятным среди русского населения Сибири. Как показала перепись населения 1939 г., прослойка мужчин среди русских в Сибири составляла 48%, в том числе в Западной Сибири – 47% [78]. Особенно низким был удельный вес мужчин среди русского населения Алтайского края и Омской области. Здесь на долю мужчин среди русских приходилось соответственно 46,7 и 46,5% [79]. В Восточной Сибири вследствие значительного притока мигрантов соотношение полов находилось в состоянии нормы. Только в Красноярском крае на долю мужчин среди русского приходилось менее половины населения – 48,7% [80]. Вместе с тем в Читинской области прослойка мужчин среди русских достигала 53% [81].

Дисбаланс полов, в свою очередь, predeterminedил заметное снижение индекса брачности. Если в 1938 г. в Сибири на 1000 человек населения было заключено 11 браков, а в 1939 г. – 10, то в 1940 г. – менее пяти браков [82]. Снижение в 2 раза числа заключаемых браков, вызванное воздействием внешних неблагоприятных факторов, не могло не сказаться и на динамике рождаемости (табл. 11).

Таблица 11*

*Динамика рождаемости населения Сибири в 1939–1940 гг.
(число родившихся на 1000 чел. населения)*

Год	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
1939	42,0	43,4
1940	36,9	38,7
1940 г. в % к 1939 г.	87,9	89,2

* Таблица составлена по данным: *Вестник статистики. 1965. № 1. С. 88–89; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 124. Л. 1–160.*

Структурные изменения в населении не были единственным фактором сокращения рождаемости. Не менее важную роль сыграл фактический провал постановления СНК СССР 1936 г. о запрете абортов. Первоначально (в 1936–1937 гг.) шоковый эффект, вызванный постановлением, привел к некоторому увеличению числа детей. Но женщины очень быстро приспособились к запрету, противоречащему, кстати, основным законам демографического развития. Население Советского Союза в 1930-е гг. постепенно втягивалось в процесс демографического перехода, уровень урбанизированности Сибири нарастал быстрыми темпами. Преднамеренное ограничение рождаемости в этих условиях становилось неизбежной платой за индустриализацию и связанную с ней кардинальную трансформацию образа жизни сибиряков. Остановить эти объективные процессы было невозможно никакими запретами. В итоге, как страну в целом, так и Сибирь захлестнула волна нелегальных прерываний беременности, число которых нарастало, несмотря на введение в уголовный кодекс РСФСР статьи 140, предусматривавшей лишение свободы за их производство. Искусственное прерывание беременности особенно широко было распространено в городах, где процессы демографического перехода протекали заметно быстрее, чем в деревне.

Еще одним негативным следствием напряженности политической обстановки в 1939 и 1940 гг. была дальнейшая стабилизация показателей смертности. Процесс сокращения смертности, начавшийся сразу после преодоления голода 1932–1933 гг., прервался. Социальная сфера в предвоенные годы в связи с нарастанием военных расходов оказалась отодвинутой на второй план. Достаточно сказать, что военные расходы по государственному бюджету СССР 1940 г. составили 5,7 млрд. руб., что превышало совокупные

расходы на просвещение, науку, здравоохранение, физкультуру и социальное обеспечение [83]. Уровень материального благополучия понизился даже по сравнению с небогатым периодом второй пятилетки. Сибиряки столкнулись со значительными материальными трудностями. В городах и рабочих поселках продукты продавались по спискам – фактически вновь были введены карточки. Жители ряда сельских местностей Сибири осенью 1939 – весной 1940 г. голодали. В этих условиях избежать повышения смертности помогло только государственное здравоохранение, которое продемонстрировало свою высокую эффективность в борьбе с целым рядом инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний.

Таблица 12*

*Динамика смертности населения Сибири в 1938–1940 гг.
(число умерших на 1000 чел. населения)*

Год	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
1938	20,1	19,7
1939	20,1	19,8
1940	20,3	18,6

* Таблица составлена по данным: *Вестник статистики. 1965. № 1. С. 88–89; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 124. Л. 1–160; 4–169.*

Если общие показатели смертности населения Сибири в конце 1930-х – начале 1940-х гг. удалось «заморозить» (табл. 12), то детская смертность в указанные годы возросла. В Западной Сибири в 1940 г. она достигла 216% (в том числе в сельской местности – почти 220%, в городах – 208%), в Восточной Сибири – 175,3% (в том числе в городах – 182%) [84]. В 1940 г. уровень детской смертности был выше, чем в 1926 г. Повышенная детская смертность сыграла роль фактора, тормозящего снижение общих показателей смертности.

В сущности, между 1926 и 1939 гг. смертность населения Сибири не сокращалась. Общие коэффициенты смертности населения Сибири в 1926 г. равнялись 24,5, а в 1939 г. – 20,8%. На первый взгляд кажется, что снижение смертности было довольно заметным и составило 15%. Но общие коэффициенты (в специальной литературе их часто называют грубыми) не дают достоверной картины, так как они сильно зависят от структурных факторов: удельного веса детских, молодежных и старческих возрастных групп в составе населения. Элиминировать искажающее влияние структурных факторов и тем самым получить более точную информацию можно при помощи стандартизации коэффициентов смертности. Стандартизация показывает, что если бы в 1939 г. структура населения была такой же, как в 1926 г., то уровень смертности 1939 г. составлял бы не 20,8, а 23,6%. Таким образом, уровень смертности сократился не на 15, а всего на 4% [85].

Ассимиляционные процессы в конце 1930-х гг., как и в годы нэпа, протекали в Сибири вяло и оказывали незначительное воздействие на структуру населения.

Таблица 13*

Удельный вес межнациональных браков, заключенных русскими женихами и невестами в загсах Иркутской области. 1936–1939 гг.

Национальность женихов и невест	1936 г.		1937 г.		1939 г.	
	Русский жених	Русская невеста	Русский жених	Русская невеста	Русский жених	Русская невеста
Русские	81,9	92,8	94,1	88,4	85,8	80,7
Украинцы	4,5	3,7	2,6	6,1	3,0	7,4
Белорусы	1,0	0,6	0,4	0,8	0,4	0,9
Буряты	0,1	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1
Евреи	0,9	1,0	0,9	1,3	1,0	1,0
Поляки	9,7	0,5	0,5	0,7	0,6	0,5
Татары	0,4	0,2	0,4	0,6	0,6	0,6
Прочие	1,5	1,1	1,0	1,9	8,5	8,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Таблица составлена по данным: ГАИО. Ф. 2677. Оп. 6. Д. 1168. Л. 138; Оп. 7. Д. 1. Л. 133–134; Д. 9. Л. 143–144.

Табл. 13 дает возможность сделать вывод о явном преобладании мононациональных браков. От 94 до 82% русских женихов женились на русских же невестах, а от 88 до 81% русских невест выходили замуж за русских женихов. Если же учесть значительную прослойку браков, заключенных русскими с украинскими и белорусскими невестами, то становится очевидным, что процессы ассимиляции в предвоенные годы не получили еще достаточного развития.

Аналогичные процессы были характерны и для Западной Сибири. Здесь в 1936 г. 93% русских невест заключили брак с русскими женихами, 3% вышли замуж за близких по культуре, языку и конфессиональной принадлежности украинцев, около 1% – за белорусов. Таким образом, на долю собственно ассимиляционных в полном смысле этого слова браков у русских невест приходилось всего 3%. Русские мужчины еще в большей степени, чем женщины, были сориентированы на внутриэтнические браки. Почти 95% русских женихов взяли в жены русских женщин, еще 2,5% женились на украинках и белорусах. Следовательно, на долю межэтнических браков у русских женихов приходилось менее 3% [86]. Такие же вялотекущие ассимиляционные процессы в предвоенные годы были характерны и для всех других наций и народностей Сибири.

Переписи 1937 и 1939 гг., содержащие богатую информацию о национальном составе населения Сибири, показали, что русские, как и в конце

1920-х гг., преобладали в населении Сибири. Согласно данным переписи 1937 г., на долю русских приходилось: в населении Иркутской и Читинской областей – 88%, Алтайского и Красноярского краев – 85, Новосибирской области – 87, Омской области – 79, Бурят-Монгольской АССР – 64% [87].

О национальном составе населения Сибирского региона в целом, по данным переписи 1939 г., свидетельствует табл. 14.

Таблица 14*

Национальный состав населения Сибири ** по данным переписи 1939 г.

Нации и народности	Тыс. человек	Удельный вес, %
Русские	11 951,1	84,7
Украинцы	633,4	4,5
Белорусы	67,4	0,5
Всего восточные славяне	12 651,9	89,7
Буряты	216,0	1,5
Якуты	153,2	1,1
Хакасы	48,9	0,3
Шорцы	14,8	0,1
Ханты	18,0	0,1
Ненцы	17,1	0,1
Эвенки	9,8	0,1
Прочие	798,2	5,7
Итого	14 112,0	100,0

* Таблица составлена по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д.1244. Л. 1, 4, 14, 26–26 об., 28, 42, 46, 62.

** По административно-территориальному делению 1939 г., включая Якутскую АССР.

Особенно значительным был удельный вес русских в населении крупных городов, что подчеркивает ведущую роль русского народа в процессе урбанизации региона и его индустриальном освоении. Так, в Новосибирске, крупнейшем городе Сибири, на долю русских в населении, согласно данным переписи 1939 г., приходилось почти 92% жителей, в Сталинске – 93, Барнауле – 94, Томске – 90, Кемерово – 89% жителей [88]. В целом, по городским поселениям Сибири на долю русских приходилось 89%, в сельской местности – 83% населения [89].

5. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война кардинально изменила условия демографического развития Сибири и ее населяющих народов. Она потребовала колоссального перенапряжения духовных и физических сил народа, мобилизации всех материальных ресурсов на нужды фронта, безусловного приори-

тета военных целей, резкого ограничения потребления. Тяжелым бременем война легла и на плечи сибиряков. Вместе с тем в военные годы открыто проявилось отношение властей к жизни каждого отдельного советского человека, которая, как выяснилось, не имела никакой самостоятельной ценности. Человек прагматически был низведен до уровня простого винтика, рабочей силы, фронтового бойца. Именно в отношении властей к человеку видятся нам причины многомиллионных потерь, которые понес советский народ в страшные военные годы.

Важнейшим показателем демографического развития является численность ее населения (табл. 15).

Таблица 15*

Динамика численности населения Сибири
в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.**

Дата	Все население		Городское население		Сельское население	
	Тыс. чел.	Темп прироста, %	Тыс. чел.	Удельный вес, %	Тыс. чел.	Удельный вес, %
1 июня 1941 г.	15100,0	–	5134,0	34,0	9966,0	66,0
1 января 1942 г.	15342,9	+1,60	5393,1	35,2	9949,8	64,8
1 января 1943 г.	15007,1	-2,19	5640,9	37,6	9366,2	62,4
1 января 1944 г.	14081,9	-6,17	5722,9	40,6	8359,0	59,4
1 мая 1945 г.	13349,6	-0,86	5660,3	42,4	7689,3	57,6
1945 г. в % к 1941 г.	88,4	–	110,3	–	77,2	–

* Таблица составлена по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 53–54; Д. 479. Л. 3; Д. 564. Л. 2–2 об.

** Включая Якутскую АССР.

Данные, приведенные в табл. 15, показывают, что в военные годы общая численность населения Сибири сократилась почти на 12%, что в абсолютном выражении составило почти 1,8 млн. чел. Снижение численности населения региона в военные годы особенно заметно в сельской местности. За период с 1 июня 1941 г. по 1 мая 1945 г. количество сельского населения Сибири уменьшилось почти на 23%, или в абсолютном выражении на 2,3 млн. чел. Между тем количество горожан в годы войны увеличилось. И хотя темпы роста численности населения городов значительно сократились по сравнению с мирным временем, их численность в 1941–1945 гг. выросла все же на 10% (на 526 тыс. чел.).

В основе столь значительных изменений численности населения Сибири в военные годы лежали пертурбационные факторы военных лет. В начале войны главной причиной сокращения численности населения региона стали бурные миграции, в свою очередь определявшиеся не экономическими факторами (преобладающими до войны), а причинами военно-политического характера. Прежде всего, это массовая многомиллионная мобилизация мужчин в Красную армию. Неожиданно высокие боевые потери Красной армии заставили советское руководство кардинально изменить все довоенные мобилизационные планы. Тыловые регионы СССР должны были выделить для армии не 8-9 млн. военнообязанных (как предусматривалось предвоенными мобилизационными планами), а значительно больше [90]. Мобилизация была развернута сразу же после начала войны – 22 июня 1941 г., вышел в свет Указ президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации военнообязанных», который предусматривал призыв 14 возрастов с 1905 по 1918 годы рождения [91].

К 1 июля 1941 г. в Красную армию в целом по СССР было мобилизовано 5,3 млн. чел. [92]. В августе 1941 г. для того, чтобы восполнить огромные боевые потери и укомплектовать вновь формируемые соединения и части, была проведена еще одна крупная мобилизация военнообязанных. В итоге, за шесть месяцев войны до 1 января 1942 г. в Вооруженные Силы было направлено 11,8 млн. чел. [93]. В Сибири к 1 декабря 1941 г. было мобилизовано 1,8 млн. чел., что составило 64% мужчин призывного возраста (18–45 лет) [94]. В целом, за годы войны в Сибирском и Забайкальском военных округах в Красную армию было мобилизовано 3,2 млн. чел., включая в эту цифру и женщин [95].

Среди мобилизованных, особенно в начале войны, абсолютно преобладали представители русского народа и других славянских этнических групп. Об этом косвенно говорит тот факт, что деформации половозрастного состава населения, образовавшиеся вследствие массовых мобилизаций мужчин и их гибели в ходе боевых действий, в первую очередь затронули те регионы страны, где компактно проживало русское население. Согласно отчетам сельсоветов, в Новосибирской области в 1943 г. на каждые 100 женщин приходилось всего 35, в Омской – 31, в Алтайском крае – 27 мужчин. Для сравнения укажем, что в Свердловской области на 100 женщин приходилось 36 мужчин, в Московской – 37, Ульяновской и Ивановской – 30, Рязанской – 26, Ярославской области – 25 мужчин. Между тем в Таджикской ССР в 1943 г. на каждые 100 женщин приходилось 89 мужчин, в Туркмении и Узбекистане – 73, Азербайджане – 66, Грузии – 58, Киргизии – 56, Армении – 49, Казахстане – 40 мужчин [96].

Эти данные свидетельствуют о вкладе различных регионов СССР в формирование Вооруженных Сил. Основная мобилизационная нагрузка до

1943 г. всей своей тяжестью легла на Россию, Казахстан и Армению, хотя в формировании Красной армии принимали участие практически все республики Советского Союза. Укажем также, что после 1943 г., когда резервы боеспособных мужчин в России были исчерпаны, военные мобилизации в республиках Средней Азии и Закавказья были усилены.

Мобилизация в Красную армию особенно широко проводилась в сельской местности, поскольку система «брони» распространялась главным образом на специалистов, сосредоточенных в городах. Кроме того, в годы войны в городе и деревне проводились мобилизации населения на постоянную работу в промышленность, транспорт и строительство, а также наборы молодежи в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища. Всего за годы Великой Отечественной войны в Сибири на трудовой фронт (включая сезонные работы) было мобилизовано около 838 тыс. чел. [97]. В ходе трудовых мобилизаций город получал население, тогда как деревня его теряла. Кроме того, в городах отток мужчин в армию частично возмещался притоком эвакуированных из западных регионов СССР. Эвакуированные оседали в основном в городских поселениях. В Сибири к началу декабря 1941 г. насчитывалось 502 тыс. эвакуированных, на 1 января 1943 г. – 908 тыс., после чего эвакуация прекратилась. Из этого числа почти 60% эвакуированных осели в городах [98]. Таким образом, сибирская деревня не получила количественно достаточной компенсации за счет эвакуированного населения. В период Великой Отечественной войны деревня отдавала население, почти ничего не получая взамен. Поэтому людские потери деревни и сокращение численности населения сельской местности были самыми значительными.

Вопрос о национальном составе эвакуированных до сих пор остается не исследованным. Одна из причин этого – почти полное отсутствие необходимых для анализа материалов. Имеющиеся данные отрывочны. Нам удалось обнаружить сведения о национальном составе эвакуированных только по Новосибирской области и только по состоянию на сентябрь 1941 г. Согласно этим данным, удельный вес русских, прибывших в Новосибирскую область в составе эвакуированных в июне–августе 1941 г., составлял 54%, евреев – 23, латышей – 7, украинцев – 5, белорусов – 3% [99].

Важно отметить также, что частичная количественная компенсация, имевшая место в сибирских городах, не означает компенсации качественной. В армию уходили юноши и мужчины молодых возрастов, цвет нации, а в массе эвакуированных преобладали женщины и дети. В этом аспекте важное значение имеют структурные характеристики, отражающие негативные сдвиги в составе людских ресурсов Сибири. Это выразилось, прежде всего, в резком нарушении половозрастного баланса населения. Мобилизации в армию носили столь масштабный характер, что резерв мужчин, накопленный в населении к 1943 г. был практически полностью исчерпан.

По сельскому населению историки сегодня располагают таким достаточно точным и информативным источником, как сельсоветский учет возрастного и полового состава населения (табл.16). Единовременные отчеты сельсоветов о численности и составе населения обрабатывались статистиками для получения данных о потенциальной рабочей силе и мобилизационных возможностях регионов.

Таблица 16*

Половозрастной состав сельского населения Западной Сибири
в возрасте 14–54 года в начале 1943 г.**

Возраст, лет	Тысяч человек			Доля, %		
	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола
14–15	195,8	214,7	410,5	47,7	52,3	100,0
16–17	136,6	171,4	308,0	44,4	55,6	100,0
18–24	77,0	330,6	407,6	18,9	81,1	100,0
25–49	227,0	885,9	1112,9	20,4	79,6	100,0
50–54	89,5	164,3	253,8	35,3	64,7	100,0
Всего	725,9	1766,9	2492,8	29,1	70,9	100,0

* Таблица составлена по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1009. Л. 51.

** В административных границах 1943 г.

В Сибири самые резкие диспропорции полов были характерны для самого активного возрастного диапазона от 18 до 49 лет. Здесь удельный вес женщин колебался в пределах 80%, а в возрастной группе от 18 до 24 лет доля мужчин не превышала 19%. Дисбаланс в соотношении мужчин и женщин как следствие огромных мобилизаций и массовой гибели мужчин в боях был характерен для всех регионов страны. В том же 1943 г. в целом по СССР доля женщин в возрастной группе 18–24 года составляла 78, 25–49 лет – 77% [100].

После 1943 г. ситуация обострилась еще в большей степени. В связи с продолжающимися призывами в армию доля мужчин в населении тыловых регионов продолжала снижаться. В январе 1945 г. в сельской местности Западной Сибири в возрастном диапазоне 18–24 года удельный вес мужчин сократился до 21, 25–49 лет – до 19, 50–54 года – до 32% [101]. В целом по РСФСР в начале 1945 г. прослойка мужчин в возрастной группе 18–24 года составляла 20, 25–49 лет – 19,5, 50–54 года – 31% [102].

Негативные тенденции в соотношении полов в конечном итоге предопределили резкое снижение показателей рождаемости. В связи с дефицитом женихов и без того низкий индекс брачности в Сибири продолжал уменьшаться. В 1941 г. на 1000 жителей Сибири было зарегистрировано 4,7 брака, а в 1943 г. – всего 2,3 брака [103]. Дефицит женихов, массовый распад брачно-семейных связей в уже сложившихся семьях, а также овдовение женщин не могли не отразиться на динамике демографических показателей тылового населения.

Воспроизводство населения Сибири в годы Великой Отечественной войны
(на 1000 чел. населения)**

Год	Родилось	Умерло	Естественный прирост
1941	33,2	21,2	+12,0
1942	22,0	26,0	-4,0
1943	12,5	18,4	-5,9
1944	12,1	12,9	-0,8
1945	15,6	9,0	+6,6

* Таблица составлена по данным: Исупов В.А. Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 191.

** В административных границах соответствующих лет.

Табл. 17 свидетельствует, что за 1941–1944 гг. общий коэффициент рождаемости в Сибири сократился почти в 3 раза, в том числе в 1941–1942 гг. на 34%, а в 1942–1944 гг. – еще на 45%. Важно отметить также, что уровень рождаемости в сельской местности снижался быстрее, чем в городах. В итоге, на протяжении всех военных лет уровень рождаемости в городах превышал аналогичные показатели в сельской местности. Так, в 1941 г. общий коэффициент рождаемости в городах Сибири составлял 35‰, в деревне – 33‰, в 1943 г. – соответственно 15 и 11‰, в 1945 г. – 20 и 13‰ [104].

Такая ситуация нечасто встречается в демографической истории и обусловлена особенно резким нарушением баланса полов в сельской местности. В тех регионах Сибири, где городское население преобладало и где нарушение баланса полов не было столь резким, демографическая ситуация была менее напряженной. Так, в Кузбассе, регионе шахтеров и металлургов, на которых распространялась бронь, рождаемость хотя и значительно сократилась, но все же была выше, чем в других районах Сибири. В Кемеровской области превышение смертности над рождаемостью было зафиксировано только в 1943 г. [105].

Снижение рождаемости означало огромные косвенные потери населения вследствие так называемого дефицита рождений. Проведенные расчеты показывают, что в Сибири при сохранении неизменными довоенных тенденций развития демографической сферы в 1941–1945 гг. должно было родиться примерно 2,3 млн., а фактически родилось 1,3 млн. чел., или в 1,8 раза меньше. Таким образом, только вследствие дефицита рождений население Сибири потеряло около 1 млн. потенциальных жизней [106].

Еще одной негативной тенденцией развития демографической сферы Сибири в военные годы было заметное увеличение смертности в 1941–1942 гг. За указанный период общий коэффициент смертности в регионе вырос на 23%. Причем негативные изменения начались в первые же месяцы войны и

были обусловлены главным образом неудачно организованной эвакуацией и почти полной беспомощностью государственного здравоохранения. В городах Сибири в октябре 1941 г. уровень смертности превышал соответствующие показатели в октябре 1940 г. на 37%, в сельской местности – на 1,4%, в ноябре – соответственно на 58 и 10%, в декабре – на 76 и 18% [107]. Как видим, в отличие от мирного времени в период войны смертность в городах заметно превышала смертность в сельской местности.

Еще одной характерной чертой демографической ситуации в 1941–1942 гг. был резкий рост детской смертности. На этом основании можно утверждать, что в тыловых районах страны дети понесли самые большие потери. В 1941 г. только в городах Сибири на 1000 родившихся умерло 205 детей, в 1942 г. – 365 детей [108]. Особенно высокие показатели детской смертности в Сибири были зафиксированы в июле и августе 1942 г., когда из каждой 1000 родившихся умерли, не дожив до года, свыше 600 младенцев [109]. Таким образом, на первом году жизни погибло 60% детей. Неокрепший детский организм особенно чутко реагировал на дестабилизацию обстановки, неблагоприятные изменения условий существования, ухудшение медицинской помощи и распространение инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний.

Рост уровня смертности в Сибири, как и по всей стране, наблюдался только на начальном этапе войны. С конца 1942 – начала 1943 гг. показатели смертности населения в регионе стали постепенно снижаться. Уже в 1943 г. по отношению к 1942 г. общие коэффициенты смертности населения Сибири сократились на 29%, в том числе в городах и поселках городского типа региона – на 10, а в сельской местности – на 42,6% [110]. В 1945 г. общий коэффициент смертности населения Сибири (как это зафиксировано в табл. 17) составлял 9‰.

Одновременно значительно и быстро понизилась детская смертность. Снижение детской смертности собственно и лежало в основе общего снижения показателей смертности. В Сибири в 1943 г. на 1000 родившихся умер в возрасте моложе одного года 171 ребенок, в 1944 г. – 94, в 1945 г. – 83 ребенка [111]. Главную роль в сокращении смертности сыграли не только быстрое восстановление системы здравоохранения и его эффективная работа, предельное ужесточение санитарного надзора, но и внедрение в повседневную медицинскую практику новых для того времени препаратов сульфаниламида. Вследствие напряженной работы медиков и представителей властей в структуре причин смерти довольно существенно сократился удельный вес инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний. Достаточно сказать, что в Сибири в 1943–1945 гг. показатели смертности населения от брюшного тифа, дифтерии, гемоколиты, кори и коклюша снизились в 2 раза, от туберкулеза легких – в 1,9, воспаления легких – в 3,3, токсической

диспепсии – в 3,7, от дизентерии – в 6 раз [112]. Это и явилось, в конечном счете, главной причиной такого, казалось бы, парадоксального явления, как снижение показателей смертности населения страны, ведущей самую тяжелую и кровавую войну в своей истории.

Сокращение общих коэффициентов смертности населения Сибири в 1943–1945 гг., безусловно, несколько сократило косвенные демографические потери сибиряков. Тем не менее они были огромны. Прежде всего, это боевые потери Красной армии. По данным Генерального штаба Российской армии, в 1941–1945 гг. на территории, подведомственной Сибирскому военному округу (республики: Алтай, Тува, Хакассия; края: Алтайский и Красноярский; области: Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская), было призвано 2621,3 тыс. чел., потери же составили 817,6 тыс. чел. (31,2%). На территории Забайкальского военного округа (республики: Бурятия, Саха (Якутия); области: Иркутская и Читинская) было мобилизовано 567,9 тыс. чел., из них не вернулось с войны 128,2 тыс. чел. (22,6%) [113]. Эти данные, скорее всего, занижены, и число погибших сибиряков было существенно выше. Еще одним источником потерь населения Сибири было, как уже говорилось, сокращение рождаемости населения.

Потери населения вследствие дефицита рождений и гибели сибиряков на фронтах на самом деле не исчерпывают всех потерь, так как необходимо учесть еще и повышение смертности населения региона в 1941–1942 гг. Скорее всего, общие потери населения Сибири в 1941–1945 гг. приближаются к огромной цифре – не менее 3 млн. чел., что составляло около 20% довоенной численности населения Сибирского региона.

6. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – В 1950-е ГОДЫ

Первое послевоенное пятнадцатилетие отмечено не только постепенным преодолением послевоенной разрухи, но и бурным подъемом экономики восточных районов страны, активным освоением природных ресурсов Сибири, завершением индустриализации. В политическом плане 1950-е гг. отмечены ослаблением тоталитарного режима, его трансформацией к авторитарной форме, либерализацией брачно-семейного законодательства, что не могло не отразиться и на демографической ситуации. Собственно, с демографических позиций конец 1950-х – начало 1960-х гг. характеризуются близостью завершения демографического перехода, вторая половина 1945 – первая половина 1946 гг. – кратковременным демографическим подъемом, вслед за которым наступил период обострения демографической ситуации, что выразилось в увеличении общих показателей смертности населения Сибири. В 1947 г. общие коэффициенты смертности населения Сибири превы-

шали аналогичные показатели за 1946 г. почти на 32%. В городских поселениях региона в 1947 г. коэффициенты смертности превосходили уровень 1945 г. на 52,3, в сельской местности – на 44% [114].

Таблица 18*

*Динамика общих коэффициентов смертности населения Сибири**.*
1946–1959 гг. (на 1000 чел. населения)

Год	Коэффициент смертности	Год	Коэффициент смертности
1946	11,0	1953	9,7
1947	14,6	1954	9,3
1948	12,3	1955	9,0
1949	10,9	1956	7,4
1950	11,7	1957	7,6
1951	11,1	1958	7,3
1952	10,7	1959	7,3

* Таблица составлена по данным: Исупов В.А. *Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 109.*

** В административных границах соответствующих лет.

В основе повышения смертности в 1947 г. лежал послевоенный голод, поразивший население Сибири, в первую очередь, деревню. В городах положение с продовольствием было очень напряженным, но благодаря карточной системе распределения продуктов, все же лучше чем в деревне. В сельской же местности властям пришлось даже сокращать число населения (врачи, учителя и т. д.), находившегося на карточном снабжении продовольствием.

Главными причинами смерти людей во время голода 1946–1947 гг. вновь стали туберкулез, желудочно-кишечные инфекции и воспаление легких. При этом нужно учитывать, что война с ее стрессами, нагрузками, низким уровнем материального обеспечения сильно ухудшила состояние здоровья людей. Ослабленные хроническим недоеданием и нехваткой в рационе питания белков и витаминов сибиряки становились легкой добычей болезней. Так, в Новосибирске, крупнейшем городе Сибири, почти половина всех случаев смерти приходилась на инфекционные заболевания. За период с января по август 1947 г. число умерших от дизентерии и туберкулеза в городе возросло в 12 раз, токсической диспепсии – в 13, гастроэнтероколита – в 7 раз [115]. В Омской области детская летальность за 1946–1947 гг. возросла в 2,6 раза, в том числе от воспаления легких – на 35%, туберкулеза – на 27,9%, дизентерии – в 2,6 раза [116]. В Кемеровской области в 1947 г. по отношению к 1945 г. удельный вес смертей от эпидемических заболеваний в структуре причин смерти вырос в 2,2 раза, от воспаления легких – на 73%, от токсической диспепсии – в 1,7 раза [117].

Но в особенно трудное положение были поставлены крестьяне, которые никогда не получали хлебных карточек. Люди голодали, употребляли в пищу толченые травы, мясо павших животных. С мест в обкомы, крайкомы и даже в ЦК ВКП(б) потоком шли сообщения о катастрофической ситуации в деревне. Так, из Третьяковского РК ВКП (б) (Алтайский край) сообщали: «За последнее время в райком ВКП(б) поступило много просьб трудящихся об оказании помощи продуктами питания, главным образом хлебом. Из 55 колхозов в районе в 35 колхозах колхозники получили трудодни от 20 до 100 грамм, в 10 колхозах до 150 грамм» [118]. Таких сообщений было множество. Так, директор Увальского совхоза (Новосибирская область) писал в Барабинский Союзмолтрест: «Положение рабочих в совхозе из-за отсутствия продуктов питания весьма напряженное. Большинство рабочих не имеют ни грамма картофеля и овощей, многие от физического истощения в связи с недоеданием и голодом не работают и влечат жалкое существование... В совхозе имеются массовые случаи, особенно среди детей, опухания, а также 3 случая смерти от голода» [119]. В сельской местности вновь были зафиксированы многочисленные случаи септической ангины. Но поскольку регистрация демографических событий в деревне была организована хуже, чем в городе, смертность от голода и инфекций слабо отражалась в статистических документах.

Только после 1947 г., когда голод был в основном преодолен, определяющей тенденцией демографического развития стало быстрое снижение смертности. В этом аспекте 1950-е гг. явились самым благополучным периодом демографической истории СССР: в данном случае сказывались не только результаты индустриализации, но и смягчение политического режима после смерти Сталина. Это выразилось в повышении материального благосостояния народа и бурном жилищном строительстве, в развитии коммунального хозяйства, здравоохранения и фармацевтической промышленности, ослаблении государственного диктата в области сельского хозяйства, повышении закупочных цен и реабилитации политических заключенных. В итоге, за период с 1947 по 1959 г. уровень смертности в Сибири понизился в 2 раза, в том числе в городских поселениях в 2,4 раза, в сельской местности – в 1,7 раза (табл. 18).

В основе снижения смертности в конце 1940-х, в 1950-е гг. лежало, с одной стороны, улучшение работы органов здравоохранения, а с другой – резкое сокращение заболеваемости инфекционными и желудочно-кишечными заболеваниями, случайными по отношению к демографической подсистеме общества, мало зависящими от возраста и поражающими в основном младшие возрастные группы. Эндогенные факторы смертности замещались экзогенными и квазиэндогенными. В результате, в структуре причин смертности населения Сибири нарастал удельный вес причин смерти

от сердечно-сосудистых заболеваний, а также злокачественных опухолей. Эти болезни были характерны для лиц старших возрастов. По имеющимся данным, в структуре причин смерти только в городских поселениях Западной Сибири в 1959 г. по отношению к 1939 г. удельный вес смертей от инфекционных и паразитарных болезней сократился более чем в 3 раза, от желудочно-кишечных болезней – более чем в 7 раз. Вместе с тем доля смертей от злокачественных опухолей возросла в 11 раз, болезней сердца – в 3, артериосклероза – в 8,4 раза [120]. В результате смертность перемещалась в старшие возрастные группы. Все больше людей доживали до глубокой старости. На поверхности явления это выступало как сокращение общих коэффициентов смертности. На самом деле, вследствие коренной перестройки структуры причин смертности населения и перемещения смертности в старшие возрастные группы росла средняя продолжительность жизни сибиряков. В целом по СССР она составляла в 1938–1939 гг. 47 лет, в 1954–1955 гг. – 64 года, а в 1958–1959 гг. – 69 лет [121]. Впервые более чем за тысячелетнюю историю России уровень смертности и продолжительность жизни населения страны и многих ее регионов не только приблизились к общеевропейским показателям, но и не уступали им.

Заметно выросла продолжительность жизни и в Сибири. Если в 1926–1927 гг. ожидаемая продолжительность жизни населения Сибирского края составляла 37,6 лет [122], то в 1958–1959 гг. – 66,1 года, в том числе у мужчин – 61,7, у женщин – 70,4 года [123].

Динамика рождаемости населения Сибири во второй половине 1940-х, в 1950-е гг. также свидетельствует о позитивных тенденциях в развитии демографической сферы Сибири. Первые послевоенные годы характеризуются так называемой компенсаторной волной рождаемости. О динамике рождаемости в сибирском регионе после войны дают представление следующие данные [124]:

Год	Число родившихся на 1000 человек населения Сибири
1946.....	27,9
1947.....	31,2
1948.....	27,1
1949.....	31,5
1950.....	31,1

Для воспроизводства населения Сибири в первые послевоенные годы были присущи две важные тенденции. Во-первых, уровень рождаемости после завершения Великой Отечественной войны так и не достиг уровня предвоенных лет. Это свидетельствует не только об огромных половозрастных диспропорциях, образовавшихся в ходе войны, но и о развитии процессов демографического перехода, усиливающимся контроле над рождаемостью,

в более широком распространении малодетных семей. Во-вторых, отчетливо заметен спад в рождаемости, происшедший в 1948 г. Это было явным следствием голода 1946–1947 гг. Сокращение числа зачатий вследствие голода сказалось через девять месяцев после его продления, в 1948 г.

В 1950-е гг. уровень рождаемости оставался стабильно высоким, проявляя тенденцию к очень медленному снижению (табл. 19). Причем особенно высокой была рождаемость в сельской местности Сибири. Это обуславливалось тем обстоятельством, что городское население быстрее втягивалось в процесс демографического перехода. Соответственно, ограничение рождаемости горожан было распространено шире, чем в деревне.

Таблица 19*

*Динамика рождаемости населения Сибири** в 1950-е гг.
(на 1000 чел. населения)*

Год	Городское население	Сельское население
1951	31,2	34,6
1952	30,2	32,7
1953	27,7	32,2
1954	24,1	38,1
1955	26,8	34,8
1956	24,3	33,7
1957	23,6	34,6
1958	24,9	33,0
1959	24,1	30,7

* Таблица составлена по данным: Исупов В.А. *Городское население Сибири...* С. 160.

** В административных границах соответствующих лет.

Снижающаяся смертность и стабильно высокая рождаемость обеспечили устойчивое расширенное воспроизводство населения Сибири. Таким образом, 1950-е гг. были достаточно благополучными в аспекте демографического развития Сибири, что находит подтверждение в ускоренном росте численности населения Сибири (табл. 20).

Таблица 20*

*Динамика численности населения Сибири** в 1946–1959 гг.*

Год	Все население	Городское население	Сельское население
1946 (оценка на начало года)	13382,5	5653,7	7728,8
1951 (оценка на начало года)	15062,0	6580,0	8482,0
1959 (перепись)	18040,0	9326,9	8713,1

* Таблица составлена по данным: Исупов В.А. *Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.)*. Новосибирск, 1991. С. 22–23.

** В административно-территориальных границах послевоенных лет.

Табл. 20 показывает, что в период между 1946 и 1959 гг. численность населения Сибири выросла почти на 5 млн. чел. Опережающими темпами росло городское население: рост на 65%, что отражало бурные процессы урбанизации. В 1959 г. численность городского населения превзошла численность сельского. Вместе с тем в указанные годы число жителей сел и деревень Сибири не только не сократилось, но, напротив, увеличилось на 12,7%.

Высокий естественный прирост и миграционный приток населения из различных регионов страны в Сибирь обеспечили повышенные темпы роста численности русских (табл. 21).

Таблица 21*

Численность и удельный вес русских в составе населения Сибири по данным переписи 1959 г.

Регион	Все население		Городское население		Сельское население	
	Численность русских	Доля русских, %	Численность русских	Доля русских, %	Численность русских	Доля русских, %
Алтайский край	2302004	85,8	792422	89,8	1509582	83,8
В том числе:						
Горно-Алтайская а. о.	109661	69,8	26021	87,4	83640	65,7
Кемеровская область	2386468	85,7	1848309	86,0	538159	84,5
Новосибирская область	2056945	89,5	1162717	91,2	894228	87,4
Омская область	1273736	77,4	610362	85,9	663374	71,0
Томская область	643738	86,2	316883	88,0	326855	84,5
Тюменская область	894008	81,9	307197	88,7	586811	78,7
В том числе:						
Ханты-Мансийский н. о.	89813	72,5	28147	84,1	61666	68,2
Ямало-Ненецкий н. о.	27789	44,6	14222	65,3	13567	33,5
Красноярский край	2205409	84,3	1122981	86,7	1082428	82,3
В том числе:						
Хакасская а. о.	314455	76,5	189130	85,2	125325	66,2
Таймырский (Долгано-Ненецкий) н. о.	21799	65,3	16846	83,4	4953	37,6
Эвенкийский н. о.	5975	57,9	1472	72,2	4503	54,4
Иркутская область	1661831	84,1	1061163	86,5	600668	80,1
В том числе:						
Усть-Ордынский Бурятский н. о.	75099	56,4	15584	78,4	59515	52,6

Регион	Все население		Городское население		Сельское население	
	Численность русских	Доля русских, %	Численность русских	Доля русских, %	Численность русских	Доля русских, %
Читинская область	940180	90,7	521977	92,5	418203	88,6
В том числе:						
Агинский Бурятский н. о.	23857	48,6	–		23857	48,6
Бурятская АССР	502568	74,6	233613	84,5	268955	67,8
Тувинская АССР	68924	40,1	39909	79,5	29015	23,8

*Таблица составлена по данным: *Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 328–334, 354–360, 378–384.*

**В административных границах 1959 г.

В 1959 г. русские составляли большинство населения Сибири. Их доля в населении регионов превышала 80%. Особенно высокий удельный вес представителей русского этноса был характерен для Читинской, Новосибирской, Кемеровской областей, Алтайского края. В национальных административных образованиях края прослойка русских была значительно меньше, но и здесь она нигде не была ниже 40%.

Особенно высоким был удельный вес русских в городских поселениях Сибири. Русские, таким образом, сыграли ведущую роль в урбанизации сибирского региона, следовательно, в его промышленном освоении. Соответственно, уровень их урбанизированности был очень высок.

Значительный удельный вес русских в составе горожан Сибирского региона обусловлен действием ряда объективных факторов. Экстенсивное промышленное развитие Сибири требовало огромного количества рабочей силы. Сформировать кадры, способные как в количественном, так и в качественном отношении удовлетворить в короткие сроки потребности быстро растущей промышленности, можно было только на основе русского сельского населения. К тому же перемещению в города представителей сибирских автохтонных народов препятствовал целый ряд причин. Далеко не все из них могли быстро адаптироваться к условиям городской среды, преодолеть языковой барьер.

В соответствии с этими тенденциями трансформировался и уровень урбанизированности этнических групп. В частности, русскими к концу 1950-х гг. была достигнута высокая степень урбанизированности. И если в 1939 г. почти 34% русских, проживавших на территории Сибири, сосредотачивались в городах и поселках городского типа, то в 1959 г. – почти 55% [125].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в первой половине XX столетия произошли кардинальные перемены в демографическом развитии Сибири, в динамике рождаемости и смертности.

В ходе демографического перехода, осуществлявшегося на территории Сибири по тем же законам, как и во всем мире, четко проявляются две особенности. Важной специфической характеристикой демографической истории Сибири в первой половине XX в. является тот факт, что процесс демографического перехода протекал в чрезвычайных условиях. В XX в. Россия, а вместе с ней и Сибирь, вступили под знаком Первой мировой войны и революции, Гражданской войны и военного коммунизма. За ними последовали (после краткого периода стабилизации, обусловленной нэпом) ускоренная индустриализация и проведенная варварскими методами коллективизация, сопровождавшаяся так называемым «раскулачиванием». В 1940-е гг. на страну обрушились многочисленные военные конфликты с соседними странами и, наконец, Великая Отечественная война, а также послевоенный голод 1946–1947 гг. Эти бурные события вызвали чудовищные перегрузки демографической подсистемы Сибири. В первой половине XX в. население региона прошло через три демографические катастрофы, а демографические кризисы стали, по сути, перманентным явлением. Демографические кризисы и катастрофы не только чрезвычайно искажали процесс демографического перехода (в Сибири сам ход демографического перехода очень далек от его классического варианта), но в отдельные периоды (революция и Гражданская война, голод 1932–1933 гг., Великая Отечественная война) прерывали его. Таким образом, процесс демографического перехода являл собой не плавный, эволюционный процесс, а развивался рывками, скачкообразно.

В самом процессе демографического перехода ярко проявилось особое геополитическое месторасположение Сибири. Будучи неотъемлемой составной частью Азии, Сибирь в то же время активно заселялась переселенцами из Европы. Это в значительной степени предопределило сроки демографического перехода. Регион вступил в него поздно по европейским меркам, но одним из первых на Азиатском континенте.

Еще одной особенностью динамики населения Сибири были астрономически высокие темпы роста численности ее населения. Однако для понимания сути и смысла этого процесса очень важно отметить, что в Сибири в первой половине XX в. умножалось главным образом городское население. Главным вектором динамики населения сибирской деревни было снижение численности и удельного веса ее населения. Во всяком случае, в целом за период, прошедший между двумя Всесоюзными переписями населения

1926 и 1959 гг., численность городского населения Сибири выросла почти в 7 раз, тогда как численность сельского населения сократилась на 10% [126].

Уровень урбанизированности Сибири в начале XX в. можно оценить как очень низкий, а в его середине – как высокий. По данным переписи 1926 г., удельный вес горожан в Сибири составлял 12,8, по данным переписи 1959 г. – 52% [127]. И все это на фоне малочисленности собственного населения региона и явной нехватки внутреннего демографического ресурса, необходимого для заселения и освоения огромных пространств. Попытки советского правительства организовать переселенческое движение из западных и южных районов в труднедостаточную Сибирь в основном оказались тщетными. В этом смысле «успешными» были только насильственные депортации, превратившие регион в 1930-е гг. в «край каторги и ссылки». Именно в первой половине XX в., несмотря на демографические катастрофы и кризисы, уменьшавшие численность населения Сибири или тормозившие темпы его роста, был сделан крупный рывок в заселении, освоении и урбанизации региона.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 323.
2. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 22.
3. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991. С. 46–47.
4. Всесоюзная перепись населения 1937 г. С. 227.
5. Тольц М. С. Репрессированная перепись // Родина. 1989. № 11. С. 60; Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 180; Цаплин В. В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 180; Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Опыт оценки численности населения СССР. 1926–1941 гг. (Краткие результаты исследования) // Вестник статистики. 1990. № 77. С. 38.
6. Жиромская В. Б. Численность населения России в 1939 г.: поиск истины // Население России в 1920–1950-е годы: Численность, потери, миграция. М., 1994. С. 34–35.
7. Население Советского Союза. С. 62–63.
8. Берштам М. Сколько жить русскому народу // Москва. 1990. № 5. С. 137.
9. Кузбасс. Результаты переписи городского населения. Новосибирск, 1931.
10. См.: Статистика Сибири. Новосибирск, 1931. Вып. 6; СССР за 15 лет. Материалы по народному хозяйству. М., 1932; Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. М.; Иркутск, 1932.
11. ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1409. Л. 1.
12. Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 5.
13. Мерхалев Д. Рождаемость за время войны и революции в Сибири // Сборник Сибирского Статистического Управления. Новониколаевск, 1922. Вып. 7. Т. 2. С. 95.
14. Красильников М. Обзор деятельности сибирских статистических учреждений // Сборник Сибирского Статистического Управления. Вып. 7. Т. 2. С. 190.

15. Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929; Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. М., 1928; Естественное движение населения в Сибире за 1925–27 гг. Новосибирск, 1930.
16. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 44.
17. Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. XLVI–XLIX.
18. Известия. 1935. 28 сент.
19. ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 209. Л. 2–10.
20. Сборник важнейших официальных и справочных материалов по санитарным и противозидемическим вопросам в помощь госсанинспектору и эпидемиологу. М.; Л., 1941. С. 43.
21. Там же. С. 81–82.
22. ГАКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 20. Л. 27.
23. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 406. Л. 57.
24. Население Советского Союза... С. 55.
25. Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С. 10.
26. Хронологическое собрание Законов, Указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР. М., 1958. Т. 3. С. 488–491.
27. Ефремов В. П. Мировая война и ее последствия // Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 4.
28. Россия в мировой войне... Таблицы. С. 49.
29. Там же. С. 21.
30. Новосельский С. А. Влияние войны на естественное движение населения // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. М.; Пг., 1923. Вып. I. С. 106.
31. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 68.
32. Там же. С. 68.
33. Кабузан В. М. Демографическая ситуация в России в годы Первой мировой войны // Население России в 1920–1950-е годы: Численность, потери, миграции. М., 1994. С. 10.
34. Новосельский С. А. Влияние войны... С. 120.
35. Там же. С. 110.
36. Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность... С. 22.
37. Кабузан В. М. Демографическая ситуация в России... С. 16.
38. Статистический ежегодник 1918–1920 гг. М., 1920. Вып. первый. С. 3, 7.
39. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. VI. С. 104.
40. История Сибири. Л., 1968. Т. 4. С. 151.
41. Жизнь Сибири. 1922. № 4. С. 205.
42. Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время гражданской войны и революции. М., 1926. С. 103–104.
43. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. VI. С. 104.
44. Сибирский край. Стат. сборник. Новосибирск, 1930. С. 786–787.
45. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1930. Т. XL. С. 60, 70, 79.

46. Статистика Сибири. Сб. статей и материалов. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 141.
47. Там же.
48. Там же.
49. Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926–1927. Таблицы смертности. М.; Л., 1930. С. 134, 136, 138.
50. Статистический ежегодник 1918–1920 гг. Вып. первый. С. 2.
51. Население СССР (численность, состав и движение населения). С. 16, 18.
52. Сведения о движении заразных заболеваний по Сибирскому краю за 1927 г. // Сибирский медицинский журнал. 1928. № 6–7. С. 93.
53. Кузнецова В. К. Заболеваемость пионеров г. Новосибирска на основании данных осмотра первичным пунктом службы здоровья // Сибирский медицинский журнал. 1926. № 4. С. 16, 18.
54. Бирюкова Р. Н. Таблицы смертности по причинам смерти // Советская демография за 70 лет. М., 1987. С. 260.
55. Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири. (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984. С. 46–118.
56. Там же. С. 46.
57. Население Советского Союза... С. 135.
58. Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения... С. 45–46.
59. Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 годов: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 356.
60. ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 168. Л. 145.
61. Там же. Д. 169. Л. 37.
62. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 222. Л. 1–2.
63. Там же. Оп. 11. Д. 233. Л. 24–24 об.; ГАИО. Ф. 2677. Оп. 4. Д. 7. Л. 203–203 об.
64. ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 1–1 об.
65. Там же.
66. Население Советского Союза... С. 120, 135.
67. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41. Л. 15–16.
68. ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 11 об.
69. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1685. Л. 88.
70. Там же.
71. Там же. Ф. 2677. Оп. 4. Д. 7. Л. 8, 10.
72. Известия. 1936. 28 июня.
73. ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 109. Л. 24.
74. Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения... С. 57.
75. Мельтюхов М. И. Идеологические документы мая–июня 1941 года о событиях второй мировой войны // Другая война: 1939–1945. М., 1996. С. 98.
76. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1871. Л. 173.
77. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 23, 24.
78. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 7; Д. 311. Л. 8; Д. 313. Л. 8.
79. Там же.
80. Там же. Д. 270. Л. 8.

81. Там же. Д. 332. Л. 8.
82. Там же. Оп. 20. Д. 124. Л. 1–160.
83. Народное хозяйство СССР. 1922–1972. Юбилейный стат. сборник. М., 1972. С. 481.
84. Естественное и механическое движение населения РСФСР (стат. сборник). М., 1968. С. 156–157.
85. См.: Исупов В. А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 82–83.
86. ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 101. Л. 17.
87. Всесоюзная перепись населения 1937 г. С. 86, 87, 88–89, 90, 93.
88. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 40; Д. 311. Л. 46.
89. Там же. Д. 1244. Л. 1, 4, 14, 26–26 об., 28, 42, 46, 62.
90. 1941 год: В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 639, 647.
91. Горьков Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры и документы. М., 2002. С. 492–493.
92. Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 452.
93. Михалев С. Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистическое обследование. Красноярск, 2000. С. 99.
94. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 997. Л. 55, 56.
95. Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2001. Т. 2. С. 33.
96. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1009. Л. 20.
97. Там же. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 51. Л. 88, 89, 90.
98. Там же. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 92; Д. 322. Л. 3; Д. 405. Л. 2.
99. ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 609. Л. 15.
100. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1009. Л. 18.
101. Там же. Л. 24, 39, 40, 57, 59.
102. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 332. Л. 1.
103. Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы... С. 101.
104. Там же. С. 88.
105. ГАКО. Ф. 304. Оп. 3. Д. 249. Л. 79 об.
106. Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы... С. 94–95.
107. Исупов В. А. На изломе: смертность населения Сибири в начале Великой Отечественной войны // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 187.
108. Там же. С. 83.
109. Исупов В. А. Десятая казнь: младенческая смертность в Западной Сибири в начале Великой Отечественной войны // Социально-политические проблемы истории Сибири XVII–XX вв. Бахрушинские чтения, 1994 г. Новосибирск, 1994. С. 119.
110. Исупов В. А. Городское население Сибири... С. 100–101.
111. Там же. С. 101.
112. Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы... С. 137–138.
113. Население России в XX веке. Т. 2. С. 33, 39.
114. Исупов В. А. Городское население Сибири... С. 109.
115. ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1752. Л. 30–31.
116. ГАОО. Ф. 1143. Оп. 4. Д. 29. Л. 14, 15.
117. ГАКО. Ф. 304. Оп. 3. Д. 249. Л. 107.

118. ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 30. Д. 200. Л. 1.
119. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 11. Д. 25. Л. 44.
120. Исупов В. А. Городское население Сибири... С. 147–148.
121. Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность... С. 104.
122. Смертность и продолжительность жизни... С. 136–137.
123. Левицкий Е. М. Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни. Новосибирск, 1962. С. 41–44, 53–56.
124. Исупов В. А. Городское население Сибири... С. 118.
125. Там же. С. 76.
126. Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973. Стат. сборник. М., 1975. С. 16–17, 18–19.
127. Там же.

Содержание

Введение	3
1. Источники информации.....	4
2. Демографическое развитие Сибири в 1920-е годы.....	13
3. Демографическое развитие Сибири в 1930-е годы.....	22
4. Демографическое развитие Сибири в предвоенные годы.....	29
5. Демографическое развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны	34
6. Демографическое развитие Сибири во второй половине 1940-х – в 1950-е годы.....	41
Заключение.....	48
Источники и литература.....	49

Научное издание

Исупов Владимир Анатольевич

**ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
У НАРОДОВ СИБИРИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)**

Рекомендовано к изданию оргкомитетом
I Международной научной конференции
по исторической демографии и исторической географии
(Сыктывкар, 11–14 мая 2011 г.).

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Уч.-изд. л. 3,03. Усл. печ. л. 3,5.
Тираж 100 экз. Заказ № 57 (170).

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

